

ВАЛЕНТИН
ПИКУЛЬ

БАЯЗЕТ

Валентин Пикуль

Баязет. Том 1.

Исторические миниатюры

«ВЕЧЕ»

1961

Пикуль В. С.

Баязет. Том 1. Исторические миниатюры / В. С. Пикуль —
«ВЕЧЕ», 1961

ISBN 978-5-4444-9076-1

«Баязет» – одно из масштабнейших произведений отечественной исторической прозы. Книга, являющая собой своеобразную «художественную хронику» драматичного и славного эпизода истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг. – осады крепости Баязет. Книга положена в основу сериала, недавно триумфально прошедшего по телевидению. Однако даже самая лучшая экранизация все-таки не в силах передать талант и глубину оригинала – романа В. Пикуля...

ISBN 978-5-4444-9076-1

© Пикуль В. С., 1961

© ВЕЧЕ, 1961

Содержание

От автора – читателю	6
Часть первая. Всадники	7
Поручик Карабанов	7
Ночные всадники	42
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Валентин Пикуль

Баязет. Том 1. Исторические миниатюры

© Пикуль В. С., наследники, 2008

© ООО «Издательство «Вече», 2008

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

* * *

От автора – читателю

Это мой первый исторический роман.

Первый – не значит лучший. Но для меня, для автора, он всегда останется дороже других, написанных позже.

Двадцать лет назад наша страна впервые раскрыла тайну героической обороны Брестской крепости летом 1941 года.

Невольно прикоснувшись к раскаленным камням Бреста, я испытал большое волнение... Да! Я вспомнил, что нечто подобное было свершено раньше. Наши деды завещали внукам своим лучшие традиции славного русского воинства.

Отсюда и возник роман «Баязет» – от желания связать прошлое с настоящим. История, наверное, для того и существует, чтобы мы, читатель, не забывали о своих пращурах.

В этом романе отражены подлинные события, но имена некоторых героев заменены вымышленными.

Часть первая. Всадники

Поручик Карабанов

Я плохо разбираюсь в людях, ибо слишком люблю их: однако должен сознаться, что меня ни к кому так не влекло и не тянуло, как к Андрею Карабанову.

От самого Петербурга до Баязета за ним надобно было следить; он был похож на ребенка, испорченного и капризного. Его уже нет среди нас, и я ему все прощаю...

Прапорщик Ф. П. фон Клюгенау

1

Офицера трясла лихорадка. Трясла не вовремя – на службе, на кордоне. Он схватил ее, заодно с Георгиевским крестом за храбрость, в тяжком Хивинском походе.

Это было четыре года назад.

– Неужто четыре?..

За стеной ревели некормленные верблюды. Он лежал на топчане, старенькая шашка свисала на земляной пол. Хитрющие персидские клопы падали с потолка.

– А кажется, четыре, – покорно согласился офицер и потянул на себя шинелишку, прожженную у костров.

Тут его снова скрутило. Сначала кинуло вбок – прилепило к стенке. Потом, словно в падучей, выгнуло дугой, поставив на затылок и на пятки, как горбатый мост.

И началось.

– Время-то-то-то, – тряско стучал он зубами, – летит-то-то-то как... Все летит и летит...

Вошел старый солдат, внимательно посмотрел себе под ноги и что-то долго растирал на полу разбухшим сапожищем.

– Ваше благородие, – лениво буркнул он, – конвой казачий с Тифлису: барыня куды-то волокется...

Высосав полстакана водки, настоящей на хине, офицер шагнул из дощатой сторожки. Двое верблюдов, грязных и тощих, лежали у дороги на привязи: было велено держать их здесь, дабы лошади привыкали к уродству природы и не пугались караванов из Персии.

Возле шлагбаума, в окружении конных казаков, мокла под косым дождем крытая войлоком коляска.

– Куда держите путь, су-су-сударыня?

Из дормеза уютно и забыто, как ласка матери, пахнуло на офицера женским теплом, и молодая дама в ротонде из синего плюша с удивлением огляделась вокруг.

– Я, сударь, спешу, – сказала она. – Мой лазарет – номер одиннадцать. Эриванский отряд генерала Тер-Гукасова... *Баязет* – кажется, так зовут это место, куда мне нужно. А комендантом в Игдыре – мой супруг, полковник Хвоцинский... Казаки! – поманила их спутница рукой в серебристой перчатке. – Поднимите кошму, чтобы виден был красный крест!

– Хвоцинский? – неловко приосанился офицер. – Имею честь знать: еще по Самарканду и Хиве... Антипов, – повелел он, захлопывая дверцу коляски, – шлагбаум подвысь!

Скрипнув колесами по мокрой щебенке, коляска тронулась. Казаки вытянули усталых лошадей нагайками. Опрокинув наотмашь пики, пригнулись в седлах.

И офицер, обругав службу, вернулся в караулку.

– Сударыня, – немедленно произнес он, проверяя себя, – подвысь... Хвощинский... честь имею...

Офицер успокоился: зубы уже не стучали.

Раскрыв кордонный журнал, примотанный цепью к ножке стола (чтобы проезжие казаки не извели его на самокрутки), он ковырнул пером в чернильной склянице.

Последняя запись в журнале была такова:

Мимо кордона, направляясь по делам службы в гарнизон Игдыра, проследовали без конвоя, за что им было сделано внушение: инженерный прапорщик Ф. П. фон Клюгенау и поручик Уманского казачьего полка А. Е. Карабанов.

И немного ниже караульный офицер записал:

По дороге на Баязет, через Эчмиадзинский монастырь, проехала молодая прекрасная дама (слово «прекрасная» он тут же зачеркнул, а «молодая» решил оставить), супруга игдырского коменданта. При даме конвой – шестеро казаков линейной службы.

Написав, он подумал, что в Баязет этой даме не попасть. Там сидят курды, черкесы и турки. И точат сабли. И режут армян. И грабят аулы. Готовятся... *Газават!*

Но исправить ошибку не захотелось, и офицер, брэнча шашкой, снова завалился на топчан...

– Четыре всего года, мать честная! – сказал он себе, вспоминая безводный зной, сверканье песков и верблюжий рев под свист хивинских пуль, нарубленных из ржавых гвоздей...

Этот офицер был в дурном настроении. Ему было плохо. А потому оставим его в покое. Нам до него нет никакого дела. И он никогда не будет нашим героем!..

2

Тонкий розоватый воздух зябко вздрагивал над вершинами гор. По долинам текли стада, и пастухи с корявыми посохами в руках походили в своем величии на древних апостолов. Казалось, что тысячелетние лохмотья их бешметов еще хранят библейские запахи овечьего сыра, искристых трав и бестелесных туманов...

Поручик 2-й сотни Уманского казачьего полка Андрей Карабанов вертел меж колен шашку, купленную в Эривани по случаю, уныло поглядывал на крыши аула и думал о том, что ему придется погибнуть. И не когда-нибудь, а уже скоро: в первой же схватке, от первой же пули.

Но думалось об этом как-то легко и совсем без боли; и было тихо, и было пусто...

– Говорите, прапорщик, не стесняйтесь, – сказал Карабанов, почесав густую светлую бровь. – Слушать вас – все равно что соблазнять замужнюю даму или курить гашиш: и вредно, и приятно...

Инженерный прапорщик Федор фон Клюгенау, в котором от немецкого осталось только имя, а от баронства – уже ненужная по бедности приставка «фон», человек невысокий, сутулый, с очками на курносом носу, говорил восторженно, сияя лицом, некрасивым и бледным:

– Скажите, поручик: и отчего мы иногда начинаем вдруг стыдиться идиллий? Пастушья свирель нам кажется наивной, мы боимся понюхать цветок, святое отношение к женщине смешит нас... Бедная Лиза, конечно, глупа, но разве же было бы плохо встретить ее в жизни?... Неужели вам еще не надоело слушать меня? – спросил он, сутулясь под своей буркой.

– Слова не мешают, – усмехнулся Карабанов.

– Понимаю. – Клюгенау кивнул. – Мешать могут только мысли... Я говорю сейчас несколько сумбурно. Правда? Но мне кажется, что наши предки, которые с дубиной в волосатых руках гонялись за оленем, не умели еще ревновать женщину и в шелесте дубрав видели высшее проявление поэзии, – все-таки, поручик, они были куда счастливее нас...

– Вот сволочь! – неожиданно выругался Карабанов. – Проклятый грек! Ведь последние деньги отдал ему, лучше бы их пропил.

– О чем вы? – удивился Ключенау.

– Да вот смотрите: чуть нажал на эфес посильнее – и он изволил отвалиться...

Ключенау близоруко осмотрел пашку поручика, похвалил тонкий серебристый клинок и успокоил:

– Прибудете, поручик, в Игдыр – там починят. Только сразу даю совет: когда попадете в «лапшу», остерегайтесь «трафить» по затылку. Я бывал в рубках, и любой кавказец знает, что эту кость, вот эту, во! – он показал какую, – хоть топором руби: клинок сразу выскакивает из эфеса!..

– Спасибо за совет, – без тени улыбки поблагодарил Карабанов и ударом маленькой, но мускулистой руки поставил эфес на место. – Я слушаю вас дальше, – небрежно напомнил он.

Ключенау одернул на себе рыжую бурку, зябко пошевелил синеватыми пальцами с перстнем-печаткой на мизинце.

– Скажите, Андрей Елисеевич, – поежился прапорщик, – вы любили когда-нибудь женщину? Я понимаю, что, конечно, да, вы любили... Но сейчас я говорю о той любви, которая приходит к человеку бесподобно великой, как если бы ему на всю его жизнь давалась только одна женщина...

Загребая лапами бурую пыль, мимо ног Карабанова резко пробежал мохнатый паук: поручик растер его стоптанным каблуком и вдруг сорвался на злость:

– Послушайте, дорогой барон. Любил я или же не любил, а на кой вам черт знать все это, а?

Инженерный прапорщик, подслеповато щурясь из-под очков, улыбнулся.

– Да вы не сердитесь, – мягко попросил он. – Я вот, например, еще не любил. И не оттого, что я засушенный немец-перец-колбаса, кислая капуста. Нет. Просто мне, поверьте, было... *некогда*. Да. Еще мальчишкой-юнкером я прибыл сюда, на Кавказ, и с тех пор... Да что вы хотите! У меня уже три ранения, год чеченского плена и седина в голове, а я еще не встретил ни одной женщины по сердцу...

– Да врете вы все, барон! – зло рассмеялся Карабанов. – Вы поэт, а поэтам нельзя верить. «Я помню чудное мгновенье...» – это мы знаем с детства. А дальше что?

С печалью в дрогнувшем голосе Ключенау ответил, тихо и покорно:

– Мне уже поздно быть поэтом. И если я даже поэт, то совсем не тот, который тискает свои стихи, а потом бежит к издателю за гонораром. Но если я могу под свистом пуль, настигающих меня, бескорыстно остановиться, услышав пение соловья, тогда – да, верьте мне: я – поэт, и поэт великий!..

Помолчали. Шум ручья не нарушал тишины – он, казалось, наоборот, усиливал ее.

– Ну, а к девкам-то вы, барон, ходили? – мрачно и грубо спросил Карабанов.

Ключенау молча свел пальцы в кулак и показал поручику крохотный перстень-печатку с фамильным гербом.

– Все разорено и продано, – сказал он без жалости, даже с каким-то наслаждением. – И это – единственное, что осталось у меня из наследства. Поверьте, у родни не нашлось даже тысячи рублей выкупить меня из плена, и деньги собирали в полку по подписке... Но здесь вы можете прочесть девиз моей жизни: «Чистота и верность!»

– Значит, – невесело рассмеялся поручик, – и к девкам не ходили?

– Никогда!..

Карабанов подумал.

– А я вот ходил. Да-с. И поверьте, дорогой барон, что это нисколько не мешало мне любить одну чудесную женщину. Она потом вышла замуж и, говорят, счастлива. Хотя я до сих

пор не понимаю, как она – она! – может быть счастлива не со мной, а с другим. Впрочем, это было давно и... Довольно об этом!

Поручик встал. Еще раз потрогал эфес и ругнул мошенника-грека. Небрежно отряхнул пыль с новеньких казачьих чикчир.

– Пойдемте к столу, барон. Да, кстати, представьте меня господам офицерам, ибо я здесь человек еще совершенно новый.

3

В тесной комнате дорожной харчевни, на пропахших луком и вытертых паласах, поджав под себя ноги, сидели два офицера.

Клюгенау подвел Карабанова сначала к громадному кавказцу, на плечах которого лежали погоны подполковника Хоперского полка. На серой черкеске офицера, туго перетянутой в тонкой талии, сверкали газыри чистого серебра, у пояса висела сабля в ножнах из черного рога. Но самое дорогое, что было в его уборе, так это нагайка: рукоять ее была в золоте и убрана зернистым жемчугом.

– Подполковник Исмаил-хан Нахичеванский, – назвал его Клюгенау, и в ответ Карабанов получил дружеский кивок и белозубую улыбку хана.

Второй офицер был в форме армейского врача: узкие погончики топорщились на его мятном мундире, весь он казался разбухшим и рыхлым; багровое лицо его было бугристым и желчным.

– Капитан Сивицкий, – хрипло назвал он себя и добавил с ожесточением: – Солдатский эскулап, живодер вашего брата. Желаю попадать ко мне за стол, но не советую попадаться ко мне на стол... Садитесь, поручик, и простите за дурной каламбур. Никогда не отличался остроумием!

Карабанов сел. На дворе испуганно заблеял барашек. Исмаил-хан вскочил, пробежал по пыльным коврам в мягких, по-кошачьи тихих сапожках.

– Двадцать нагаек духанцику! – заорал он в непонятном для Карабанова бешенстве. – Я думал, барашек уже изжарен, а он еще помирает!..

– Я бы, господа, выпил рюмку водки, – раздумчиво признался Сивицкий, как видно чем-то недовольный, и посмотрел на свои часы. – Девятый уже... – Врач щелкнул крышечкой «мозера». – Никогда смолodu не ждал женщин, и даже сейчас, на старости лет, не повезло.

– Не горячитесь, ваше сиятельство, – засмеялся Клюгенау, обратясь к хану, – зато здесь будет прекрасное вино.

– А я не гяур, чтобы соблазниться вином, – с презрением откликнулся хан. – Я пью только «ангелику»!

Поворачиваясь на оттоманке с боку на бок, жирный и неуклюжий, Сивицкий смело возразил подполковнику:

– Светлейший хан, вы только настаиваете водку на ангелике, но пьете-то все равно водку!

Дверь отворилась, и молодая армянка с влажными, печальными глазами, выпятив от усилия круглый живот, внесла на руках винный бочонок.

– А вот и наша красавица! – сказал доктор, сошлепывая ладонью со своих брюк пепел сигары.

– Натри барбарису да чесноку побольше, – повелел Исмаил-хан, добавив что-то по-армянски, и пинком ноги отправил бочонок в дальний угол.

Девушка легко выскользнула за двери, и Клюгенау сказал:

– Господа, вы, наверное, помните Полонского?

– Еще бы не помнить! – гоготнул Исмаил-хан, снова усаживаясь на паласы. – Он был квартирмейстером в Нижегородском полку, – когда мы умирjali восстание в Польше... Ну хоть бы один день я его видел трезвым!

– Да нет, подполковник, – сморщился Сивицкий, подмигнув Карабанову, – это не тот. Вы лучше слушайте...

Клюгенау вдохновенно читал:

...Ты шла, Майко, сердца и взоры теша,
Плясать по выбору застенчивых подруг.
Как после праздника в глотке вина отраду
Находит иногда гуляка удалой...

И неожиданно чистым и сильным голосом Карабанов, подхватив стихи, донес их до конца:

Так был я рад внимательному взгляду
Моей Майко, плясуньи молодой...

– Вы, наверное, это хотели сказать, барон? – спросил он и засмеялся, откровенно довольный.

– Да, поручик. Именно это. И это – прекрасно!

– Господа! – воскликнул доктор, взглянув на балкон духана. – Казаки ведут кого-то сюда под конвоем...

– Вчера, – сказал Клюгенау, поднимаясь, – на Орговском кордоне был пойман контрабандист. Кажется, это он и есть...

Контрабандист шел по середине улицы. Его босые вывороченные пятки почти не взбивали душной пыли. На днях он перегнал в Бахреванд стадо овец и переправил в Тебриз дочь русского чиновника, проданную для гаремов, а на обратном пути попался с тюками английских одеял и хорасанских ковров.

Подняв острые плечи, словно орел свои крылья перед взлетом, «ночной гость» шел под конвоем казаков, удивительно прямой и легкий, почти не сгибая ног в коленях; рваный бешмет крутился вокруг длинного тощего тела.

– Встретим его, господа, – предложил Исмаил-хан, берясь за нагайку, – как образованные люди...

Контрабандиста ввели во двор. Казаки-конвоиры устало облокотились на карабины, хозяин харчевни вынес им ковш с вином. Звали духанщика де Монфор, он был француз и дворянин; Клюгенау успел шепнуть про него, что он видел Кайенну и на плече его выжжено клеймо каторжника.

– Черт знает что! – едва поверил Карабанов; Кавказ поражал его своими контрастами: в долинах зацветали яблони, а в горах были метели, мужикам-казакам служит французский дворянин, а владетельный хан снисходит до беседы с грязным разбойником.

– Вонючий шакал, – ласково спросил хан, – когда мать выкидывала тебя наружу, она озаботилась дать тебе кличку?

При упоминании матери контрабандист взвился на дыбы, но казаки с руганью отдернули его назад:

– Стой, чернявенький... стой, сын вражий...

– Ну? – сказал Исмаил-хан.

Ощерив крепкие белые зубы, контрабандист яростно прошипел в ответ:

– Хаджи-Джамал... Сын Бамат-оглы-бека!

Пальцы рук его, связанных за спиной, судорожно дергались, и казаки, недолго думая, поддали ему по шее – каждый по разу. Потом, присев на корточки возле плетня, каждый деловито достал по чуреку и сделал по первому закусу – страшно большому, голодному.

– Ах ты, вшивый курдюк! – заорал Исмаил-хан. – Да я изрублю тебя, как табачный лист!

Неожиданно отпрыгнув на шаг, контрабандист вдруг быстро выкрикнул что-то на высоких гортанных звуках.

– Что он говорит? – спросил Карабанов.

– Джамал-бек сказал сейчас, – пояснил Ключенау, – что он друг полковника Хвоцинского, который комендантом в Игдыре, и что он имеет бронзовую медаль за верную службу нашему царю...

– Вы сказали – Хвоцинский? – живо спросил Карабанов.

– Да. Хвоцинский... А что?

Поручик передернул плечами:

– Нет. Ничего. Так...

Из ножен Исмаил-хана с певучим звоном вылетела, мерцая прохладной синевой, кривая чеченская сабля. Подполковник взмахнул ею, выкрикнул:

– Врешь, собака! Ты проданся Кази-Магоме, который украл мою лошадь... Получай!

Но врач Сивицкий быстро перехватил руку хана за его спиной, и сабля, косо взвизгнув, отсекла контрабандисту только ухо.

Горячей и яркой струей хлынула кровь.

– Кто посмел остановить меня?

Помутневший от бешенства взгляд хана Нахичеванского остановился на докторе. Сивицкий спокойно встретил этот взгляд и так же спокойно раскурил свежую сигару.

– Сущая правда, ваше сиятельство, – сказал врач. – Я узнал этого человека; он не врет, и он действительно нужен нам в гарнизоне... Тем более, любезный хан, сейчас такое тревожное время! Отпустите его...

В глазах контрабандиста медленно потухал огонь ярости. На бледном лице засветилась улыбка. Отрубленное ухо лежало возле его ног в серой пыли.

Хаджи-Джамал-бек не успел заметить в горячке, кто задержал саблю за спиной хана, и подумал сначала на Карабанова.

– Спасибо тебе, – хрипло выкрикнул он поручику. – Я тебе помогу тоже. Ты лучше брата отца моего...

Удар ханской сабли был так стремителен, что лезвие даже не сохранило следов крови. Подполковник вбросил клинок обратно в кривые ножны и, выругавшись по-турецки, шагнул на порог сакли.

– Когда пожрете, – наказал он казакам, – снимите с него портки и вкатите двести нагаек. А потом пусть ползет куда хочет...

Офицеры прошли за стол, сели ужинать, Исмаил-хану подали соль отдельно – разведенную в воде с чесноком. Разглядывая рюмку, поставленную перед ним, подполковник нашел ее столь красиво отделанной серебром, что она способна возбудить страсть к вину даже в мусульманине.

– Неужели этот Хаджи-Джамал-бек действительно наш лазутчик? – спросил Карабанов, недоверчиво глянув в сторону доктора.

– Да, наш.

– И вместе с тем контрабандист?

– Очевидно, так, ежели попался на этом, – подтвердил Ключенау.

– Непонятно...

Сивицкий криво усмехнулся:

– Вы, поручик, свежий человек в этих краях, и поначалу многого вам будет просто не понять.

– О черт! – выругался Исмаил-хан, облизывая жирные пальцы. – Опять забыл, какое сегодня число. С утра помнил, а сейчас снова забыл. Совсем не умею запоминать цифр!

– А вам, подполковник, надо бы помнить, – не без яда заметил доктор.

– Зачем это мне? – чистосердечно удивился Исмаил-хан. – Я ведь еще не генерал. А вот мой старший брат, генерал Калбулай-хан, – так ему число подсказывают адъютанты...

– Сегодня пятое апреля, ваши сиятельство, – пришел на помощь Ключену. – Пятое апреля тысяча восемьсот семьдесят седьмого года!

– Ну и хорошо. Благодарю. Значит, хоперцы опять идут на рекогносцировку. Говорят, что недавно Кази-Магома снова вырезал два наших аула.

– Кази-Магома – это ведь, кажется, сын бывшего имама? – спросил Карабанов. – Хорошее же наследство оставил нам Шамиль.

– А в долине Арарата, – сумрачно добавил доктор, – Фаик-паша собирает курдов в боевые таборы. Курдинские красотишки стреляют не хуже своих мужей. Это у них в крови-с!

Похоже, что война с Турцией окончательно решена.

Карабанов хмыкнул:

– Не будет – так в Петербурге ее сделают!

– Петербург здесь ни при чем, – отозвался барон. – Славянская резня должна прекратиться, и это – дело всех славян, и в первую очередь русского человека, будь то сенатор или же мужик из Пошехонья!

– А вы, – засмеялся Карабанов, – оказывается, славянофил!

– И не подумаю, – вдруг обозлился Ключену. – Носить зипун и холить бороду – это не по мне! Я прекрасно чувствую себя и в этом мундире...

Некоторое время все молчали – ели, пили.

– С вашего позволения, хан, – сказал доктор, брезгливо копаясь в кусках мяса, – дальше я поеду с вашими нукерами. Госпожа Хвоцинская, к сожалению, проскочила для краткости через Эчмиадзинский монастырь, и мне уже незачем ожидать ее здесь, в этой харчевне.

Исмаил-хан вдруг оживился и стал поскрипывать красными эрзерумскими сапожками.

– А говорят, у этого колченогого коменданта еще молоденькая жена? – спросил он.

– Говорят, да...

Карабанов сидел в тени, и никто не заметил, как на его лице отразилось сначала раздумье, потом легкая судорога пробежала в уголках узкого рта, и лицо снова застыло: поручик умел владеть собой.

– Я знал когда-то одну Хвоцинскую, – не сразу, для начала подумав, сказал он. – Может, это она и есть?.. Вы случайно не знаете, господа, как ее зовут?

– Кажется, Аглая Егоровна, – ответили ему.

– А-а-а, – разочарованно протянул поручик, но пальцы рук его затрепетали, и он стиснул их на эфесе шашки. – Нет, – закончил он почти равнодушно, – это не та...

Поужинав, офицеры – в ожидании конвоя – стали укладываться для отдыха. Набросив шинель на плечи, Карабанов вышел из харчевни. Ветры уже выдували из горных ущелий предвечернюю прохладу. По дороге протрусил ишак под грудой дров. А под горлом ишака, вместо привычного для русского глаза колокольчика, болтался треугольный кошелек из кожи.

Карабанов вздохнул. Мимо прошел казак, тащивший вонючее от пота седло и пустую лошадиную торбу.

– Любезный, – обратился к нему поручик, – а что, скажи-ка мне, вот эта дорога – так и выведет на Игдыр мимо монастыря, если я поеду?

– Выведет, как не вывести! – охотно откликнулся казак. – Две горы поначалу будет. Одна – все вверх да вверх. Мы ее Пьяной зовем. Будто пьянеешь на ней со страху. А другая – все вниз да вниз. Похмельная, значит. Вроде как бы чихиря хлебнешь с перепугу...

Казак получил на водку и помог офицеру приготовить лошадь. Добротный скакун по кличке Лорд, которого Карабанов выиграл в Новороссийске у одного загулявшего помещика, нетерпеливо переступал тонкими ногами.

– Ружьецо-то из чехла выньте, ваше благородие, – посоветовал казак душевно. – Дорога по нынешним временам не легкая: турка опять противу нас курда бесит.

– Спасибо, братец. Прощай...

Мелькнули мимо последние огни селения, и вот уже перед ним пролегла ночная дорога. Карабанов похлопал коня по жилистой шее, сказал:

– Выручай... Это – *она!*..

4

Не груздочек то скачет – то дворянский сын,
Не беляночки ищет – боярышни.

Народная песня

– Скорее... Скорее!..

Волнение человека передалось, лошади, и она неслась вперед, приструнив уши и вытянув длинное тело в стремительном галопе.

В редких аулах из-под копыт вылетают ошалелые индюки. Собаки успевают гавкнуть только раз, и вот уже они где-то там, далеко, сатанеют от пыли и ярости. Огни селений гаснут вдали – и снова вечерняя темь, снова бежит под звонким скоком гибкая горная дорога.

– Скорее... Ошибки быть не может... Это *она!*..

И снова шпоры в соленый от пота бок, снова с раздутых вздернутых губ коня отлетают, как кружево, и виснут на кустах мыльные клочья пены.

Ущелье. Мост.

Жидкие бревна раскатываются под копытами. Здесь надо осторожнее. Оступись лошадь – и тогда все пропало. Усталый конь перегибает голову через поручни моста: в черной глубине пропасти ему слышится сладостный плеск воды...

«Нет, мой конь, тебе пить еще не время. Потом я напою тебя из своих рук самой чистой водой, что несется с горных вершин. Я сам насыплю тебе полную меру золотого овса, и он будет радостно шуметь, когда ты погрузишь в него свою красивую умную морду. Ты снимешь у меня с ладони кусок теплого хлеба, густо посыпанный солью, и я обниму твою сильную шею, как не обнимал еще ни одну женщину в мире. А сейчас я прошу тебя об одном: не упали... не споткнись... беги скорее... Ведь это – *она!*..»

Только единожды остановился поручик, чтобы посмотреть на часы. Коротко вспыхнула спичка, и он едва успел отметить, что скачет уже долго. А конвой с коляской еще не настиг.

Ему стало страшно, и Андрей погнал коня дальше...

Вскоре повезло: на одном из крутых поворотов поручик заметил что-то белевшее при свете луны посреди дороги. Выскочив из седла, нагнулся. Вокруг были разбросаны свежие щепки. И тут же валялись, бережливо обсосанные до конца, сигарки казаков, а невдалеке стояло полусрубленное деревцо, и поручик понял: сломалось колесо, они здесь его чинили.

Теперь, задержавшись с ремонтом, конвой с коляской как бы сам невольно приблизился к нему.

– Господи, – перекрестился Карабанов, размахисто и с верой, какой уже давно не ощущал в себе, – только бы догнать, только бы увидеть. Ведь она умница, она поймет меня!..

На какой-то версте, когда поручику казалось, что он уже близок к цели, жеребец икнул раза три и единым махом, круто отпрянув с дороги на обочину, рывком сломался в коленях, рухнул на землю.

Карабанов вылетел из седла. Тихо всхлипнув, заплакал, как плакал когда-то в детстве.

– Ну что же ты? – сказал он потом с упреком и, перестав плакать, силился поднять морду коня, гладил его жаркую скользкую шею. – Ну встань, встань, – просил он лошадь.

Лорд вздрагивал мокрой шкурой, вытягивая, стелил по сырой земле тонкую шею, храпел...

Тогда, отторочив от седла ружье, поручик наотмашь вскинул его кверху, и выстрел за выстрелом подряд огласили притихшие горы.

Проблуждав в отдалении, словно нехотя, долго не могло умереть эхо. Потом стало тихо. Стало тихо и жутко. И вдруг откуда-то издалека, будто из самой глубины земной, прозвучали в ответ два четких выстрела. А вскоре Карабанов услышал крепкое цоканье копыт, и двое казаков с пиками наперевес чуть не сшибли его с дороги.

– Благородие, кажись? – сказал один, низко свесившись с седла и выпрямляя пику.

– А мы так прикинули, что подмога кому от черкеса понадобилась. Конька-то совсем загнали?..

Их добродушные лохматые тени уже возились возле коня; часто слышалось: «Сердце, кажись, не запало...» – «А ты в «дупел» ткни...» – «Выдюжит, не трожь его, Дениска...» – «Тварь понимающая...»

Карабанов стянул с пальца кольцо, холодно сверкнувшее в темноте дорогим камнем, протянул его казаку помоложе:

– Выручай, братец: дай коня твоего, побудь с моим. Выходишь – что хочешь проси у меня... А мне спешить надо. Далеко ль вы отсюда?

– Да нет, за перевалом стоим. – Казак повертел кольцо, сунул его на палец, осклабил: – Господская штука, на мой-то крючок и не лезет, зараза. Ну, и ладно: «винт» при мне, табак ймается, а игрушку твою девахе пошлю на станицу... Езжай с Христом!..

Легкой рысью домахали до конвоя. Четверо верховых охраняли коляску, на крыше которой лежали баулы и корзинки. Встретили казаки незнакомого офицера молча, безо всякого интереса. Карабанов с трудом выбрался из седла, подошел к коляске, и тут силы уже совсем покинули его: он вяло опустился на землю, со стоном выдавил сквозь зубы:

– Растрясло меня, братцы!

Дверца коляски над ним широко распахнулась, и он услышал голос:

– Что случилось, казаки? И кто это здесь?

Тогда Карабанов поднял лицо кверху, тихо ответил:

– Аглая, не бойся... Это – я...

Подошли казаки и, грубо похватав поручика за руки и за ноги, просунули его внутрь коляски – прямо в теплоту ее дыхания, в знакомый аромат ее духов. Прямо – к ней.

И, разбитый до мозга костей от бешеной скачки, уже не в силах осознать своего счастья, Карабанов упал на высокие подушки и повторил:

– Это – я... Не сердись: это опять – я...

5

– Зачем вы это сделали? – вдруг строго спросила женщина. – Я не скрою, что рада вас видеть, но... Два года, по-моему, – срок не малый, и пора бы вам, Андрей, забыть меня и не делать больше глупостей.

С гневной обидой Карабанов пылко ответил:

– Чтобы только увидеть вас, я загнал лошадь, которой нет цены. Как вы можете?.. И если вам мало одного моего безумства, я могу совершить второе: выйти из коляски и следовать до Игдыра пешком!

Хвощинская с грустью улыбнулась.

– Узнаю вас, – ответила она. – Узнаю, увы и ах, прежнего... Но только второе безумство, Андрей, пусть по праву принадлежит мне: я не выпущу вас из дормеза...

Карабанов посмотрел ей в лицо: оно и смеялось, оно и печалилось с ним вместе – почти одновременно. И та же вздернутая, как бы в удивлении, жиденькая бровка над карим глазом, и та же крупная родинка на левой щеке, и тот же завиток золотистых волос, который он поцелует, если... захочет.

– Ну, довольно!..

Хвощинская ударила его перчаткой по острому колену, обшитому леом, и повторила:

– Ну, довольно... Глупый. Ах, какой же вы неисправимо глупый! И неожиданный в моей судьбе, как всегда. Вот уж что правда, так это правда!..

Коляску трясло, керосиновый фонарь, привешенный в углу, мотался из стороны в сторону.

– Что забросило вас сюда, на край отечества? – спросил Андрей, понемногу успокаиваясь.

– Сейчас еду к мужу.

– Он просил вас об этом?

– О нет! Еду по доброй воле. Через Красный Крест. Харьков я оставила навсегда. Мне было там скучно... Вот еду – к мужу.

– Вы настолько любите его? – подозрительно и мрачно осведомился он.

– Грешно говорить, но пожалуй...

– Нет, – досказал за нее Карабанов и весь радостно просиял, блеснув зубами.

– А вы не смейтесь, Андрей, – заметила она с нежным упреком. – Я ведь его жена...

– А я вам писал. Мне было очень горько знать, Аглая, что вы принадлежите другому...

Почему же вы даже не отвечали мне?

– Муж советовал не делать этого.

– И вы... послушались?

– Да. Он достоин того, чтобы прислушиваться к его советам...

Карабанов отодвинул шторку окна. Светало. За путным стеклом бежали лесистые увалы, вдалеке пробуждались горы. Рядом с каретой, держа пики у седел, скакали неутомимые казаки, глядя в синеватую мглу.

– Я понимаю, – сказал поручик, подумав. – Но только... Ведь не я один был виноват в нашей разлуке.

Она усмехнулась:

– Я очень изменилась за эти два года. Не подумайте, Андрей, что я осталась прежней. И сейчас я бы уже не позволила вам так обманывать меня, пользуясь моей наивностью и неопытностью!

– Не надо об этом, – попросил Карабанов. – Я вас любил. Я действительно любил вас...

Ответ ее был прост и печален:

– Я вас тоже любила, Андрей, но вы такой человек, что на вас трудно положиться.

– А на него, на вашего мужа, можно?

– О да!

– Он молод, как и я? – ревниво спросил Карабанов.

– Совсем нет. Что вы!

– Он в больших чинах или, может, красив?

Слабо загораживаясь руками, Аглая сказала:

– Не надо... прошу вас...

– Тогда он, наверное, богат? – настойчиво выклянчивал Карабанов, мучаясь сам и мучая женщину.

– Умоляю – не надо. Зачем это вам?

– Хорошо. Я не буду...

Помолчали.

– Чей это мундир на вас? – спросила Аглая, круто переводя разговор на иную тему.

– Вы знаете, что я не ношу вещей с чужого плеча, – резко ответил поручик. – Это мой мундир.

– Вот как? Но я вас никогда не видела таким, – искренне удивилась Хвощинская. – Кто же вы теперь?

Карабанов куснул губу, отвернулся:

– Намного ниже того, кем был. И смею думать, что стал от этого намного лучше... Имею честь представиться, – и он играючи присел рядом с ней. – Казачий поручик второй сотни Уманского полка. Можете пренебрегать мной: ни серебряных труб, перевитых георгиевскими лентами, ни сданных знамен – ничего нету. И все – впереди!

– Воображаю, как это интересно, – улыбнулась Аглая и, поправив складки ротонды, слегка отодвинулась.

– Еще бы не интересно, – хмыкнул поручик. – «Скребницей чистил он коня» и ел сальные свечи, заедая их пьемонтскими трюфелями. Вас это устраивает?

– А я привыкла видеть вас другим...

– Каким же? – с живостью переспросил Карабанов.

– Ну как же!.. Флигель-адъютант его величества, блистательный кавалергард лейб-гвардии... Такая карьера, такой блеск! Ох-х!..

Лицо поручика слегка помрачнело:

– Все это кончилось для меня, Аглая. Как-нибудь, не сейчас только, расскажу обо всем...

Что-то тихо застучало по верху коляски. «Кажется, дождь», – подумал Андрей и осторожно взял руку женщины в свою.

– Вы... рады? – спросил он.

– Да, – не сразу отозвалась Аглая шепотом.

– А вы помните?..

– Что?

– Тот день, когда я впервые поцеловал эту руку?

– И тогда шел дождь, – вспоминала она с грустью, – вы торопились с манежа, не успев переменить мундир, и от вас так же, как и сейчас, пахло лошадьми... Все как сейчас, только нету дождя!

– Неправда, есть! – воскликнул Карабанов и откинул края оконной шторы: в треснутое стекло часто бились мелкие капли дождя. – Все как сейчас... А вы помните, – ковал Андрей железо, пока оно горячо, – вы помните, что не я первый сказал вам обо всем, а вы это сделали сами?

– Я была просто безбожно глупа. Вы меня обворожили... И не надо об этом, – попросила его Хвощинская, сухо щелкнув на запястье кнопкой перчатки. – Не надо, милый. Ведь мы уже далеко не дети.

– Да. Очевидно, уже не дети, если до сих пор продолжаем любить друг друга...

Андрей похвалил себя за то, что так хорошо знает ее. Ему удалось попасть в цель, и Аглая тихо всплакнула. Он не мешал ей. Зачем? – пусть поплачет. Потом взял за плечи и повернул лицом к себе.

– Теперь посмотри на меня. Ну!

– Чего ты хочешь? Пусти...

– Ничего, – ответил он и своими губами отыскал ее теплые вздрагивающие губы.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, словно удивляясь чему-то, и тогда он ласково отстранил ее от себя.

– Все такая же, – сказал он. – И даже целуешься, как раньше, не закрывая глаз...

Лицо у Аглаи было испуганным, почти жалким.

– Знаешь, – сказала она, – мне страшно.

– Страшно? Чего же?

– Не сердись, но я никогда не думала, что ты опять появишься в моей жизни. Какие беды еще приготовил ты мне?..

Кто-то настойчиво постучал в карету. Карабанов откинул дверцу. Безбородый смеющийся казак, перегнувшись с седла, показывал куда-то рукой:

– Ваше благородие, Арарат открылся. Теперича таможню проедем – там уже Игдыр и будет!..

Коляска остановилась недалеко от плаца, по которому шагали вооруженные солдаты: взвод эриванской милиции учился рубить шашкой. Откуда-то уже бежал, сильно прихрамывая, пожилой сухопарый офицер; полковничьи погоны были у него пришиты к белой солдатской рубашке.

Это был муж Аглаи, и Карабанов посторонился.

Хвоцинский подошел к жене, лицо его вдруг как-то перекошилось, и он медленно опустился перед ней на колени. Кривая турецкая сабля звякнула о придорожный камень.

– Не плачь, – сказала Аглая, поглядев куда-то в пыльное небо. – Вот я и приехала, как обещала...

И она положила руки на его седую голову.

6

– Господа! Турецкий султан Махмуд был тридцатым султаном по счету и прославил себя тем, что убил своего братца. Абдул-Меджид устроил резню христиан и умер от полового истощения. Под тридцать вторым номером идет Абдул-Азиз, а затем уже и Мурад Пятый, который с детства любил шампанского выпить, отчего считался весьма просвещенным. К тому же и дамами не пренебрегал смолodu. А вон, спросите, господа, сотника Ватнина: он вам скажет, что все наши грехи тяжкие от вина да от барышень происходят. Теперь же тридцать четвертый султан по счету – Абдул-Хамид, а он... Прекрасных дам, надеюсь, среди нас нету?

Говоривший повернулся к дверям и заметил Карабанова, который давно слушал его и помалкивал. Поручик успел разглядеть молодое лицо, умные спокойные глаза и значок академии генерального штаба на скромном полевом мундире рассказчика.

– Добрый день, господа, – поклонился Карабанов с порога и коротко представился незнакомым офицерам.

Рассказчик первым поднялся ему навстречу, еще издали подал руку:

– Штабс-капитан Юрий Тимофеевич Некрасов... А вы, наверное, во вторую сотню?

Стали подходить и другие офицеры.

– Юнкер Евдокимов... Попросту Алексей! – Он как-то сразу запомнился Карабанову: совсем юный, почти мальчик, лицо узкое, девичье, а взгляд доверчивый, чистоты отменной.

– Майор Николай Сергеевич Потресов... по артиллерии. Извините, что подаю левую руку, правую мне вчера казенником пришибло малость! – Этот офицер показался Андрею искателен: он так вежливо заглядывал поручику в физиономию, что тот даже смутился; но лицо у майора Потресова было доброе, глаза виноватые, и почему-то его было жалко.

А вот капитан Ефрем Штоквиц, лежавший на тахте, забросанной газетами и журналами, не понравился Андрею: корректно сух, рука – брр! – влажная от пота, а взгляд поднимает откуда-то снизу – тяжело и медленно, словно трехпудовую гирию.

– Очень приятно, – без всякой любезности сказал Штоквиц и неожиданно предложил: – Не хотите ли стакан лафиту? – Однако по всему было видно, что появление Карабанова его мало заинтересовало.

Прапорщик Вадим Латышев – невзрачный прыщеватый юноша с бронзовой цепочкой от часов, перекинутой поверх заношенного донельзя армейского сюртука. «Видать, очень беден, в чем-то даже глубоко несчастен, наверное, – так сразу же подумал о нем Карабанов, – а может, и болен чем-нибудь...»

Потом на Карабанова, откуда-то из угла офицерской казармы, двинулась волосатая гора, еще издали протягивая громадную клешню, всю в коросте черных, заскорузлых мужицких мозолей.

– Ватнин... Назар Минаич, – прогудела эта гора, словно из глубокой шахты, – Назар Ватнин я, вот кто! А по званию моему – есаул... Ну, да и ты – сотник казачий, так давай я тебя поцелую, поручик!

Он легко подхватил Карабанова за локти и под общий смех ткнул его лицом в свою бородищу.

– В губы, – смеялся есаул, – в губы целуй!..

Радостно удивленный, Карабанов еще не успел оглядеться, а денщики уже убрали со стола карты и книги, ставили кувшины с вином, разносили закуски.

– Грешным делом, – признался Карабанов, – я не откажусь от угощения, ибо чертовски голоден. И вообще должен сознаться, что от самого Петербурга все катится как-то кувырком.

– Так вы из Петербурга? – удивились вокруг; даже Штоквиц отбросил «Тифлисские ведомости», внимательно оглядел Карабанова.

– Да, прямо из Петербурга.

– А где служили? – спросил Некрасов.

– В лейб-гвардии кавалергардском. В самом веселом полку, господа!.. Телохранители царствующих особ, мы сохранили для себя лишь одну добродетель: беречь себя в трезвом виде только для парадов!

– О-о, и... Если так, то простите за нескромный вопрос, – полюбопытствовал Штоквиц, вставая с тахты. – Каким же образом вы оказались здесь, коли гвардия еще не выступала из столицы? И почему на вас этот казачий мундир?

– Судьба, – отмахнулся Карабанов.

– Ну, если только судьба, – понимающе подмигнул ему Некрасов, – то наплюйте этой судьбе в ее длинную противную бороду.

– До Москвы еще кое-как плевался, а теперь – иссяк: уже стало нечем, – ответил Андрей, начиная постепенно оживать. – Но и вы же ведь, Юрий Тимофеевич, – он показал на значок академии генерального штаба, – тоже почему-то здесь, в этой дыре, а не при ставке великого князя Михаила.

Проводя Карабанова к столу, штабс-капитан доверительно поделился:

– Ну, кто как, а я, например, очень доволен, что меня послали в Игдыр, а не сослали на Камчатку, скажем, или же в другие «не столь отдаленные».

– Что же так?

Некрасов посерьезнел:

– Да я, видите ли, давно утверждал, что России пора взяться за разрешение вопроса на Балканах. Ну и решил, что буду полезен балканским инсургентам. Не вдаваясь в подробности, скажу: был пойман уже на границе с Валахией, – я пробирался к повстанцам в горы...

– Ничего, академик, – похлопал его по плечу капитан Штоквиц, – скоро вам будут не только горы, но и турки. Да и не все ли равно, где сыграть в ящик за ваших славян!.. Вон, посмотрите в окно: это, кажется, подходят хоперцы? Они сегодня опять пойдут вдоль Аракса...

Карабанов тоже выглянул в окно: проламываясь сквозь яркую и шумную толпу торговцев, через пыльную площадь не спеша двигалась колонна всадников.

– А где же ваши вещи, гвардионус? – спросил Штоквиц у Карабанова с некоторой ехидцей.

– У меня, господа, – честно сознался Карабанов, – ни черта не осталось. Дорога дальняя. Беспутная и пьяная. Какой городишко понравится – там и загуляю. Так все где-то и растерял... Ну, да мне ничего не жалко.

– Это славно, – подал голос юнкер Евдокимов. – Я люблю людей, которым ничего не жалко!..

Ватнин тем временем куда-то сходил и привел низенького круглолицего солдата с головой, ушедшей в плечи. Солдат был гладко выбрит, один глаз у него косил на сторону.

– Вот, поручик, – сказал есаул Карабанову, – хоша он и татарин, но тут, как наслушался, что турка творит, так и отсекло его от аллаха... Зовут парня все больше Тяпаевым, а коли нужно по-другому звать, он все равно откликнется. Бери – тебе денщик нужен!..

Узнав, что Карабанов еще не был на приеме у Хвощинского, офицеры посоветовали ему сделать это сейчас же. «Не надо обижать старика», – убеждали они.

Когда денщики уже начали убирать со стола лишнюю посуду, штабс-капитан Некрасов напугал Карабанова громогласной командой:

– Вынима-ай па...

– ...трон! – хором подхватили офицеры, и все полезли в карманы за портсигарами и кисетницами: по традиции гарнизона, только теперь можно было курить.

Карабанов рассмеялся, но прежней беспечности было уже не вернуть. Еще всецело находясь под впечатлением первой встречи с полковником на плацу, такой неловкой и несколько унижительной, поручик не был готов к этому визиту. И мысль, что сейчас ему надо идти в дом, где он может встретить Аглаю, сразу подавила хорошее настроение.

Однако и обидеть новых товарищей Андрей не пожелал, а потому, лихо проглотив для храбрости полную чашку рому, он крикнул:

– Колупаев!.. или как там тебя?

Солдат-татарин был уже в дверях: босые пятки сдвинуты вместе, носки врозь – на ширину приклада снайдеровской винтовки, все точно по уставу.

– Тута я...

– Так вот, Тутаев, берись за дело: надо мундир почистить, сапоги и пуговицы – тоже, чехол на фуражке сменить... Быстро!..

7

Комендант гарнизона квартировал в низенькой сакле, которая, подобно гнезду ласточки, лепилась к выступу скалы. Пригнувшись в низких дверях, Карабанов после яркого дневного света ничего не мог разглядеть в полумраке и с грохотом налетел на что-то звонкое и круглое, как будто похожее на самовар.

– Не ушиблись? – услышал он над собой голос Хвощинского, который, вдруг откуда-то появившись, очень просто взял его за локоть и повел за собою, дружески приговаривая: – Вот чертова азиатчина! И перед женой стыдно, да что поделаешь? Все дома забиты войсками...

Они очутились в небольшой комнатенке, служившей, очевидно, полковнику рабочим кабинетом. Среди бумаг на столе высилось несколько пустых бутылок из-под кваса, на тарелке лежал сухой карась, обгрызенный со спины; выводок гусей, кормившихся в углу, поднял при

появлении поручика отчаянный гам и шум. Но первое, что успел заметить Карабанов, – это портрет Аглаи на стене, висевший на косо вбитом гвоздике.

Скулы внезапно свело злобной судорогой.

– Честь имею представиться, – сухо вато рапортнул поручик и, словно саблей, отсалютовал полковнику пакетом за четыремя сургучными печатями.

Хвоцинский выгнал гусей за двери, предложил:

– Да вы садитесь, поручик. Вот хоть сюда... Каково доехали?

– В коляске вашей супруги, – дерзко ответил Андрей, понимая, что сейчас говорит за него последняя чашка рома...

Печати хрустнули под пальцами Хвоцинского. Полковник надел очки. Со старицовой аккуратностью расправил перед собой бумаги. Бегло глянув на офицера, он углубился в чтение. Карабанов, продолжая стоять навтыжку, почти с ненавистью разглядывал его желтоватую лысину с косыми начесами у венозных висков и большие хрящеватые уши, покрытые светлым пухом.

«Боже мой, – с ужасом подумал Андрей, – и этот паук, наверное, уже сегодня будет ласкать ее своими липкими лапами... Но почему он, а не я?.. Читай, читай, старая обезьяна...»

– О! – вдруг удивился полковник, пригладив лысину. – У вас образование скорее придворное, нежели военное. Я сомневаюсь, чтобы Пажеский корпус его величества мог выпустить из своих стен хорошего солдата. А посему (полковник встал, Карабанов щелкнул каблуками) смею надеяться, господин поручик, вы приложите все старания, чтобы использовать наши условия для своей полевой подготовки.

Хвоцинский снова сел, переставил бутылки.

– Скажите мне, старику, – спросил он, – что заставило вас надеть казачий мундир? Вы же ведь не князь Петр Кропоткин, который прямо из пажей отправился в сибирский гарнизон!..

Сдерживая раздражение, глухо клокотавшее в нем, Карабанов кивнул на свои бумаги:

– Объяснять считаю излишним. Там, очевидно, все изложено...

И вдруг бумаги отлетели в сторону, очки полковника вскочили к морщинам лба, и на Карабанова уставились серые острые глазки.

– Вы... Да знаете ли вы, что здесь написано? – «Поступок, недостойный звания офицера...» Объясните, что это значит? Карточный долг, связь с распутницей, кража или шантаж?

– Нет. – Карабанов невольно похолодел от таких предположений. – Просто я отказался драться на дуэли. Вернее, – быстро поправился он, – я не отказался встать к барьеру, но предупредил противника, что сам в него стрелять я не буду...

– Так. И – дальше?

– Тогда меня обвинили в трусости, и вы сами понимаете, что с репутацией труса оставаться в гвардии я уже не мог...

– И это все?

– Да. Пожалуй, все...

– Тогда скажите и не сердитесь на меня, – неожиданно мягко спросил полковник, – вы, может быть, действительно... трусили?

– Нет! – гордо вскинулся Карабанов. – Но у меня, полковник, как и у вас, очевидно, имеются свои моральные принципы, которых я и придерживаюсь. Убивать человека просто так, даже если он и негодяй, все равно есть гнусное преступление и должно подлежать всеобщему осуждению, а не восхвалению!..

– А какова же была причина дуэли? – снова спросил Хвоцинский. – Впрочем, если здесь замешана женщина, вы можете не отвечать мне.

– На этот раз, – кисло ухмыльнулся Карабанов, – здесь обошлось без женщин. Просто я дал пощечину офицеру моего полка, человеку титулованной фамилии.

– Он вас очень оскорбил?

– Нет. Совсем нет.

– Так что же тогда?

– Он ударил солдата, который был георгиевским кавалером. А солдатам, господин полковник, как вам известно, кресты дают за пролитую кровь, а не за умение подслужиться!..

– Ну что ж. Я благодарен вам за объяснение. – Хвоцинский через стол протянул ему руку, и Карабанов был вынужден пожать ее. – Мне весьма отраднo знать, что мой офицер мыслит именно так. И мне кажется, случись подобное с вами в моем полку, мои офицеры никогда бы не осудили вас за это...

«Мой полк... мои офицеры» – эти слова старик произносил с какой-то гордостью.

Тут с улицы послышался мягкий топот копыт, звяканье стремян, шумные вздохи лошадей.

Хвоцинский распахнул окно.

– Вот! – радостно воскликнул он. – Как раз кстати: это казаки из вашей сотни. Они ходили в горные аулы. Пойдемте, заодно посмотрите и людей...

Офицеры вышли. Перед саклей спешили несколько всадников. Размундштучив лошадей, они сразу ослабили подпруги, ладонями смахнули с лошадиных спин обильный пот. Казаки покрылись в дороге пылью, ходили от долгой скачки раскоряками, лица у них были усталыми.

– А вот и ваш урядник Трехжонный, – показал полковник на пожилого костистого мужика с обличем Пугачева, – он казак весьма исправный...

Урядник, неторопливо высморкавшись, пошагал к офицерам. Длиннющая змея нагайки его, оплетенной с хвоста в пряди конского колоса, волочилась за ним в серой рыхлой пыли.

Трехжонный с небрежной ленцой козырнул под мохнатую шапку.

– Так что, ваше высокоблагородие, – сочно сказал он, – возвратились мы... Экая подлость! По камням все больше, ажник подковы ссеклись. Чичас до кузни едем. А в аулах-то, кажись, спокойно. Вы не тревожьтесь, ваше высокоблагородие. Только вот давеча мне армяне шибко жаловались...

– Что там? – живо спросил Хвоцинский. – Какой аул?

– Да не то вроде Курдусук... Или же – Бардысык. Запамятовал, кажись, по причине необразованности... Там, ваше высокоблагородие, овец пощипали. Во субботу, кажись. А потом двух девок не нашли. Одна – грузинка, другая – жидовка будто, сказывали. Видать по всему, тоже схватили. Туретшина-то рядом...

– Ты за кордоны выходил? – спросил Хвоцинский, поглядев на Карабанова: мол, вы слушайте, это больше для вас, привыкайте...

– Да и за кордонами были. Вроде как бы тихо на той стороне: скотина пасется, по дороге на Ван только двух верблюдов поклажей и видели... Тихо все!

– Ну, ладно, идите на отдых, – разрешил Хвоцинский и раскрыл кошелек. – Вот вам рубль, можете сходить к маркитанту: он сегодня водку привез.

Трехжонный рубль взял. Перекинув хвост нагайки через плечо, широко раздвинул бороду в сердечной улыбке:

– Ваше высокоблагородие, за Иркским перевалом, в леску, недалече отсюда, двух барсов приметили... – Урядник снял шапку, помахал ею над плешивой розовой головой, остужая ее. – Видать, – добавил он с благодушием, – парю ходю. Так что и забить их можно!..

Карабанов с Хвоцинским вернулись обратно в саклю. Полковник мимоходом щелкнул пальцем по развешанной на стенке карте.

– Видите, что говорят: тихо, пусто, спокойно. А какая тут тишина, если на прошлой неделе двое солдат пошли хворост рубить и не вернулись. Только сегодня наш маркитант Ага-Мамуков мешок привез. На дороге лежал. А в мешке – головы...

Взяв со стола одну бумагу, Хвоцинский протянул ее поручику со словами:

– Вот, не угодно ли прочесть, что пишет сотник Ватнин, побывавший недавно в пограничных аулах, Кази-Магома, сын нашего незабвенного Шамиля, перешел недавно границу... Прочтите сами!

В рапорте, написанном коряво и безграмотно, Карабанов с удивлением прочел:

Прибыв в аул, где жили христиане, Кази-Магома, член свиты султана турецкого, поймал всех армян и, налив в корыто молока, после сыра оставшегося, в коем кормят собак, и побив кошек в ауле, поклав их туда ж, да также из отхожих мест положил туда кал человеческий, и тем, избивая, стал кормить их под угрозой смерти и насильничания их женок. Претерпевшим армянам, кои плакали, говоря мне это, я обещал заступу от российского воинства...

– Страшно! – невольно вырвалось у Карабанова.

Хвоцинский отпил воды и продолжил:

– Балканы еще аукнутся нам здесь... Мы с вами, поручик, попадем в Эриванскую колонну генерала Тер-Гукасова. Вон, можете взглянуть на карту, куда нас черт понесет! В долины Арарата – на Баязет... А кому-то достанется Каре, кому-то – Батуми. Мы, поручик, с вами как пластырь: чем больше оттянем турок с Балкан, тем легче будет Гурко и Скобелеву в Болгарии...

Андрей молчал. Когда же он собирался откланяться, Хвоцинский подергал себя за ус и неожиданно остановил его:

– Простите, у меня к вам будет еще вопрос...

– Да, пожалуйста.

Полковник как-то замялся, пожевал тонкими, высохшими от жары губами:

– Скажите, Карабанов... Карабанов... М-м-м, видите ли, вы случайно... Впрочем, ладно!

Это не столь важно сейчас. Есть дела поважнее...

Карабанов скрыл понимающую улыбку.

– Я догадываюсь, господин полковник, – сказал он, – что именно вас интересует: не тот ли я Карабанов, который был знаком с Аглаей Егоровной до ее супружества с вами?

Старик натужился, покраснел, задергал под столом хромой ногою.

– Да я... И не хотел сказать, но мне...

– Да, это – я! – ответил Андрей наотмашь, – так резко, словно ударил.

Вечером этого дня урядник Трехжонный впервые пришел к нему с рапортичкой, положил ее на стол: детскими каракулями в ней были перечислены лошади, запас сена, количество боевых шашек, отчет по кузнице.

– Лошади здоровы, – доложил он.

– А люди? – спросил Карабанов.

– А люди тоже.

– Впредь, – наказал поручик, – начинать доклад о людях, а уж потом о лошадях!

8

Карабанов невольно вспомнил, как плакал в Новороссийске помещик, проигравший ему красавца Лорда, когда казак привел в Игдыр его коня, живого и невредимого, все такого же быстрого и легкого. Андрей тут же вскочил в седло, и конь, повинуясь ему, наметом обошел плац по кругу, перемахнул плетень, вынес поручика на горбатый бугор и снова замер на прежнем месте, покусывая удила и довольно посапывая.

– Ну, молодец, – похвалил казака Карабанов. – Тебя зовут-то как, чтобы знать?

– Ожогин я, Дениска... Мы из станицы Суворовской. Колечко-то ваше при мне. Может, жалкуете по нем? Так возьмите...

– Нет, брат. Что подарено, то подарено. Если вот выпить водки когда захочешь, приходи ко мне; всегда напою.

И они расстались вроде друзьями...

Как-то встретил его Некрасов, обнял за пояс.

– Вы мне нравитесь, поручик, – сказал он.

Карабанову тоже нравился этот человек, совсем не похожий на военных людей того сословия и той касты, среди которых Андрею привелось жить ранее. Правда, он еще не совсем понимал этого мещанина, лбом пробившего себе дорогу в академию генерального штаба, но чутьем Карабанов уже ощущал в нем такие качества, которым следовало бы завидовать любому офицеру.

Нравилось же в Некрасове все – даже расположение карманов его пальто. В этих карманах всегда хранились вырезки из карт, лупа и циркуль, самодельный масштабомер с колесиком от гусарской шпоры и ржаные подсолненные сухарики, перевязочный пакет и мятные лепешки, фляжка с коньяком и маленький револьвер; и все это раскладывалось в таком порядке, что, опустив руку в карман, штабс-капитан сразу доставал нужное...

– Не смотрите на меня, – засмеялся Некрасов, – на этот раз я просто так держу руку в кармане. У меня к вам предложение: заглянем в казарму!

– Барон Клюгенау, – ответил Карабанов, – оригинальнее вас: он зовет меня в турецкие бани...

Казарма была пустой и мрачной – бывшая буйволятня местного феодала. Вдоль стены ее, матово посверкивая примкнутыми штыками, стояли солдатские ружья. Некрасов пошел мимо ружейного ряда, крепко хлопая ладонью по стволам винтовок, словно по жердинам забора:

– Смотрите сюда, поручик: «бердана номер один» – нельзя стрелять лежа... «крнка», или попросту, как говорят солдаты, «крынка» – патрон тяжел и нет экстракции... «карле» – боится дождя, патрон из бумаги... «минье» – брось его на песок, и затвор уже отказал в работе... «шассепо» – просто дрянь... Калибры тоже разные: от четырех и двух десятых до шести линий. И весь этот чудовищный разнобой мы, поручик, имеем счастье наблюдать в одной роте!

– А что вы негодуете? – удивился Андрей. – Россия, как вам известно, – страна «пространственная» и со времен Рюрика держится лишь на одних беспорядках. Выбирайте сами: беспорядок и Россия или же порядок, но – нет России...

– Да черт вас всех разбери! – не на шутку рассвирепел Некрасов, хватая с пирамиды новенькое ружье фельдфебеля. – Вот таких «бердан номер два» лежит на складе двести тридцать тысяч штук. Удобных, легких, красивых, прочных... И что же? Не хотят генералы вооружать ими солдата. Боятся, что совершенное оружие увлечет солдата стрельбой и он утратит якобы «присущее» ему стремление к штыковой бойне! А сколько проливается крови в этих драках? Это же абсурд...

Прощаясь, Некрасов неожиданно спросил:

– Скажите, поручик: вы любите охотиться?

Карабанов подумал:

– Да нет, пожалуй... Хотя, – спохватился он, – на роду и написано: мой дед половину имений спустил на борзых да легавых. Не погиб в Аустерлице (вот, посмотрите, – Андрей щелкнул каблуками, – это еще от него шпоры!), а ружье на охоте разорвалось в руках, и умер...

– Ну, а мы собираемся. Поедмте с нами, – предложил штабс-капитан. – Казаки говорят, что видели двух барсов... Компания небольшая, больше едут подурачиться. Кстати, Никита Семенович и свою супругу навязал нам... Ну, решайте!

«Если и Аглая, то ехать не надо», – рассудил Андрей, но язык сказал за него другое:

– Спасибо за приглашение. Я буду рад...

.....

Аглая, как видно, тоже не ожидала встретиться с ним. Лицо у нее как-то сразу изменилось. Кивнув поручику головой, не отличая его ничем от других офицеров, она пристроила свою лошадь к лошади капитана Штоквица, и до Карабанова часто долетал ее смех.

«О чем может толковать ей этот сухарь?» – с недоверием подумал Карабанов и подошел к своему Лорду шенкелями поближе...

– ...Вы напрасно думаете, сударыня, – услышал он говорок Штоквица, – что вопрос о женской эмансипации поднят только в кругу европейских женщин. Восточная половина прекрасного человечества тоже заявляет свои права на самостоятельность. Так, например, могу порадовать, что в Персии женщины уже объединились под знаменами общества «Адобу Ниса».

– Впервые слышу, – удивлялась Аглая. – И какова же программа этого общества?

«А тебе зачем это знать? – переживал Карабанов. – Не притворяйся синим чулком!...»

– О, – толковал Ефрем Иванович, – программа эта обширна! Восточной женщине рекомендуется, согласно уставу общества «Адобу Ниса», ненавидеть родственников мужа, бить ежедневно слуганок, ломать мебель и почаще грубить своим детям...

Аглая смеялась. «Смейся, смейся», – думал Андрей, и сейчас ему было ненавистно в этой женщине все: поворот в седле ее гибкого тела, газовый шарф, обнимающий бледную шею, и эти тонкие руки, затянутые до локтей в длинные перчатки.

Всадники вступили на узкий горбатый мост, перекинутый над ущельем. Внизу, словно в чудовищной преисподней, грохотала мутная река.

Скрывая страх, Аглая сказала:

– Какой хороший мост... Когда он построен?

– Еще в древние времена, – пояснил Некрасов. – Здешние персы любят утверждать, что его строили еще при Аббасе Втором, но этому Аббасу они приписывают все строения...

Женщина, отводя глаза от пропасти, жалась к середине пролета.

– Удивительно сохранился, – жалобно лепетнула она.

Карабанов выгнал своего жеребца на самый край моста, козырем прогарцевал мимо обрушенных перил.

– А это потому, – сдержил он, – что еще никто, и даже ваш супруг, не пытался его ремонтировать...

Мост остался позади. Лорд стал нервничать: прыгал вдруг на обочины, как-то боком-боком, кося выпуклым глазом, резал дорогу траверсом, шарахался на дыбы, стараясь вытолкнуть языком удила из пасти.

– Ну чего ты мечешься, поручик? – сказал ему Ватнин недовольно, – будто кобель худой в мешке! Езжай посмирнее...

«И зачем я, дурак, увязался на эту охоту?» – ругал себя в душе Карабанов, но вернуться обратно в Игдыр было уже неудобно. Он пристроил своего Лорда к спокойному жеребцу Некрасова, и офицеры долго ехали рядом, отыскивая в воспоминаниях о петербургской жизни каких-то общих знакомых.

Потом штабс-капитан сказал:

– Не знаю, как вам, поручик, а мне легче дышится здесь, нежели в столице. Вояка-то я, честно говоря, больше кабинетный, и воевать мне еще не приходилось. Но эта война, которая начнется не сегодня, так завтра, целиком отвечает моим стремлениям. Можете смеяться надо мной, но я завидую славе Пеко Павловича, братьев Каравеловых, генералу Любибратичу и смерти Христо Ботева!

Карабанов поежился: он знал наперечет балерин Москвы и Петербурга, но эти славянские имена ничего ему не сказали. Некрасов же объяснил молчание поручика иначе.

– Вас коробит мой пафос? – спросил он. – Только не думайте обо мне дурно. Нет, я совсем не склонен к выспренности, Карабанов, и не собираюсь прибавать щит к воротам Царьграда. Но, ей-богу, я буду счастлив хоть чем-нибудь помочь делу освобождения славян... А вы?

– Я об этом не думал, – увильнул от ответа Карабанов.

– Напрасно. Советую подумать...

Штабс-капитан сидел в жестком английском седле, накрытом дешевым вальтрапом из бурки, управляя лошадей с помощью казачьей уздечки. Карабанов опытным глазом определил в Некрасове спокойного и грамотного кавалериста.

– Эта война будет честная, – продолжал штабс-капитан, помолчав. – Самая бескорыстная для России из всех войн, какие только она вела. Тут уж нам с вами о крестах мечтать не придется... Однако, – показал Некрасов на вершины Агрыдагского перевала, – уже скоро стемнеет, а мы еще на середине пути!..

Охота в этот день не удалась: путь был долгий и трудный; присутствие женщины заставило офицеров избрать окружной (более легкий) путь в объезд горного перевала; в диком букновом лесу тропы были завалены стволами деревьев, рухнувших под зимними ветрами, лошади сильно притомились. Уже совсем стемнело, когда всадники добрались до лагеря, разбитого казаками, которых Ватнин еще сегодня утром заранее выслал к месту охоты.

– Станишные! – окликнул их есаул, выпрыгивая из седла. – Барсюков-то еще не вспугнули?

Из потемок выступила приземистая фигура урядника.

– Да не сумлевайся, Назар Минаич, – сказал Трехжонный. – Мы уже и лежку отметили. Эвон, к ручью-то у них тропа пробита... Дениска вот у нас только запропал куды-то! Намаялись, его искавши.

– Это какой же Дениска? – встревожился Карабанов. – Уж не нашей ли сотни, Ожогин, что мне коня отходил?

– Он самый, ваше благородие. Ожогин и есть, земляк... Как в воду, сучий пес, канул!..

Штоквиц услужливо подал Хвоцинской руку, провел ее к костру, от которого с треском разлетались жаркие, веселые искры.

– Прошу, – сказал он, – не угодно ли стакан лафиту?

– Господи, как хорошо-то! – вздохнула Аглая, протягивая к огню свои маленькие ладони; над пламенем они засветились изнутри теплой розовой кровью, и Андрей отвернулся...

Офицеры, отпустив лошадей, сгруппировались вокруг костра, и небеса, излучавшие до этого призрачный свет, вдруг замкнулись над ними глухим черным куполом.

– Вот и ночь, господа, – почти с торжественностью объявил Некрасов, снимая фуражку. – Вы посмотрите, какое звездное небо. Словно его густо посыпали солью. Этаким черным караваном и... с солью!.. – Он рассмеялся чему-то.

В кустах ворковал об уюте походный самовар. Трехжонный поставил на огонь чугунок с кашей.

– Тихо, тихо! – похлопала в ладоши Аглая. – Кто-то кричит вдалеке.

Прислушались. Певуче рокотал в камнях ручей, сонно перешептывались камыши, – и вдруг ветер, рванувшись из соседнего ущелья, донес чей-то отчаянный вопль; Карабанов невольно передернул плечами, зябкая дрожь ночного страха остудила спину.

– Куда же делся Дениска? – сказал он. – Может, он и кричит нам?

– Не, – отозвался урядник, – то не Дениска... Эвон, за горою, тут недалече, деревня молотканская. Это, ваше благородие, сторожа кабанов диких страшат, чтобы они своими харями кукурузу не перекопали...

Вскоре к костру присоединился еще один казак – конопатый Егорыч, ходивший отыскивать Дениску. Оказалось, что Егорыч еще в полдень пошел вместе с ним в лесок, неподалеку отсюда, и на одной тропе они заметили какого-то зверя...

– А шут его ведает, што за зверь, – нехотя рассказывал Егорыч. – Сам-то по себе вроде бы как волк, а вроде и нет. Хвост этаким пушистенький. Сам на бегу-то уж скор больно. И полоса на хребтине. Дениска сдуру и погонись за ним. А ружьишки у нас здесь остались. Животная – от нас. Потом – юрк куда-то. Глядим – в нору. Дениска, дурак, за ним. «Тащи, говорит, Егорыч,

винтовку, а я его, стерву, тута караулить до тебя стану!» Зверя-то, значит. Я и побег. А потом, хоть казните меня, хошь так оставьте, забыл я место это. Туды-сюды – не могу вспомнить...

– Ну и дурак! – хмуро заключил Ватнин, мешая в чугушке кашу. – Иди, конопатый, опять, шукай Дениску. Ежели в Игдыр без него возвратимся, так тебе до смерти без урядничьих лычек хаживать. Давай вот, топай, на самовар-то не оглядывайся!

– погоди, – сказал Карабанов и, перехватив тревогу во взгляде Аглаи, немного оттаял душой. – погоди, погоди... Я тоже пойду с тобой...

Вернулись они через час, мокрые от ночной росы, вконец измученные, расстреляв в темноту ночи все патроны. Но той пещеры, в которой остался Дениска сторожить диковинного зверя, они так и не отыскали; на выстрелы казак тоже не откликнулся.

– Ты скажи хоть, какой это зверь был? – спросил у казака Штоквиц. – Может, он давно уж сожрал вашего Дениску?

– Может, и сожрал, ваше благородие, – покорно согласился Егорыч. – Зверь, он такой... Понятия слабого: ему што генерал, што казак, што барыня. Он все сожрет. А только и Дениска, ваши благородия, уж неумыен больно: рази ж можно в жилье к зверю сигать?

– Молчал бы уж, хрыч старый, – отмахнулся Ватнин и, облистав ложку, треснул казака по лбу.

Аглая весело рассмеялась, но, встретившись глазами с Карабановым, смолкла и уже ни разу не посмотрела в его сторону. Снедаемый досадой и обидой на женщину, которая открыто сторонилась его, Андрей – назло себе – не пошел спать с офицерами в палатку, остался на всю ночь с казаками у костра и дождался возвращения Дениски.

– Ты? – удивился поручик, стряхивая дремоту, когда из самой темнотной гущи, что плотно обступала пламя костра, появился казак в разодранном чекмене.

– Видать, и не ждали, – отозвался Дениска, перешагивая через казаков. – Храпят, черти, – сердито заметил он. – Егорыч-то, чтоб ему собака дохлая снилась, даже едало расщеперил. Тоже мне, земляки! Водку-то пить – только давай, а как без табаку останешься – так нет их, паскудов!..

– Тише ты, не ругайся, – остановил его поручик. – Ходили за тобой. Искали. Я сам ходил...

Дениска с хитрецей потерял пустой кисет. Карабанов часто зевал и крепко щелкал в конце каждого зевка молодыми зубами.

– Что с тобой? – спросил он, доставая папиросницу. – И воняет от тебя, братец, какой-то дрянью... Псина не псина, дерьмо не дерьмо. Фу, несет как! А ну-ка, отодвинься!

Казак, не прекословя, отодвинулся.

– Кабы мой дух, – нехотя объяснил он, – а то ведь нет: зверь энтот меня так обкурил в норе, что за неделю не выветрюсь. Сперва-то, ваше благородие, поскуливал все больше... Видать, по нужде выйти хотел. Потом как захохочет, проклятый. Кусается, стерва. Эвон, чекмень распорол... Приколол! Уж больно Егорыча-то ждать надоело. Тащил его, тащил да и бросил... Устал, ваше благородие. Дозвольте курнуть теперича...

– На, держи. Хорошо, что вернулся, – сказал Андрей. – А теперь спи вот. Только двигайся от меня... Еще дальше, еще, еще. Ну и зверь же тебе попался – дохнуть нечем!

Они скоро заснули. одному из них снились тяжелые подсолнухи и цветастые сарафаны баб на пестром лугу, другой часто просыпался, отупело глядел во тьму и снова падал на бок...

Рассвет был робок и печален. Запахи трав наплывали откуда-то с горных вершин, вместе с плакучими туманами, словно из старой колдовской сказки, слышанной в детстве. Потом одинокая птица жалобно вскрикнула в камышах, и Штоквиц, вяло ругнувшись, опустил ружье.

– Так и знал, поручик. Наверное, барсов погнали не этой тропой, а прямо к Ватнину... Ведь казачье такое: свой своему, а нас за людей не считают!

– И черт с ними, с барсами. Мне все равно не понять этой страсти... Егорыч, – позвал Андрей казака, – лучше дай-ка мне хлебнуть из твоей фляжки!

И, выдернув пробку, Карабанов надолго присосался к горлышку; глядя перед собой в высокое небо, он глотал араку, а над ним качались ветви деревьев, летели тонкие облака, звезды уже погасли под лучами солнца.

– Слышите? – сказал Штоквиц, снова поднимая ружье.

Вдалеке грянул выстрел – эхо раскололось в горах, будто несколько молотков ударило по наковальне разом, сухо и звонко, и только сейчас Андрей понял, почему на Кавказе редко говорят о человеке, что его убили, а говорят – «застукали»...

«Наверное, Некрасов, – с завистью подумал Карабанов. – Умникам всегда везет!»

– Андрей Елисеевич, – неуверенно подсказал Штоквиц, – пока мы одни, хочу предупредить вас... Остерегайтесь Некрасова: этот умник на дурном счету, он любит мешаться в политику. Так же и майор Потресов: непременно будет у вас денег просить, так вы ему не давайте – не отдаст...

Карабанов не успел ответить: камыши раздвинулись, и барс, здоровенный красавец самец, потерявший свою подругу, выскочил на поляну. Едва разглядев его красное, плашмя прижатое к земле тело, поручик выстрелил ему под лопатку. Понял, что дал промах, когда зверь, пружинисто вскинувшись под выстрелом, ринулся в сторону...

– Догоняй! – крикнул он Егорычу, и казак напролом погнал свою лошадь в камыши, ловчась еще издали кольнуть барса острием пика...

Карабанов перезарядил ружье картечью, погнался следом. Охота не увлекала его, и он был почти спокоен. Рядом раздался гневный рык зверя. Егорыч еще держался в седле, а барс уже вцепился в лошадиное горло и так пригнул кобылу мордой, что она, захлебнувшись испуганным ржаньем, рухнула на передние ноги.

– Ваше бла... сотник! – заголосил Егорыч. – Стрельни, ради Христа... Зарвет кобылу!

Карабанов в горячке вскинул ружье и... хорошо, что не выстрелил: картечью он раздробил бы ноги казака, свисавшие до самой земли. Но тут, увидев новую угрозу, барс оставил терзать лошадь – метнулся навстречу поручику.

– Бью! – Андрей выстрелил: барс, не закончив прыжка, низко прилег на брюхо, его длинный хвост, весь в черных кольцах, крепко застучал по земле – картечь перебила ему задние лапы...

Штоквиц, ругнувшись, отбросил ружье и рванул из рук Егорыча, причитавшего над лошадью, казацкую пикку.

– Не умеете, так и не совались бы, – сказал капитан и, сипло вздохнув, пошел на зверя, раскорячивая ноги в громадных гетрах...

Барс, волоча зад по земле, уходил в камыши, когтя землю. Оскалив пасть, полную желтых клыков, он глухо прорычал – тоска близкой смерти уже чуялась в этом вое.

– А надо вот так! – выкрикнул Штоквиц, и острие пика с хрустом вошло в пасть барса: под клешнями звериных зубов затрещало сухое дерево.

Кровь забрызгала поручика, он брезгливо отскочил. Зверь крутил башкой, жалобно выл, а Штоквиц мотал его вместе с пикой, веретено которой было зажато у него под локтем, и рассудительно приговаривал:

– Чего тут церомониться? Раз-два, и все... Дохни, дохни скорее, пададь! Только бы шкура цела осталась...

Штоквиц начал колотить барса по башке тяжелым сапогом, и в голосе его слышалась непонятная для поручика радость. Бессмысленная жестокость убийства поразила Карабанова. Рванув револьвер, он громыхнул в ухо барса двумя пулями – раз за разом.

И тут капитан, оставив издохшую жертву, затрясся от бешенства.

– Какого черта? – заорал он, топорща усы а`la Бисмарк. – Кто вас просил услужать мне? Слюнтяй, мальчишка...

– Это вы мне-то? – выпрямился Карабанов, глядя в мутно-желтые зрачки Штоквица. – Напрасно. Можете схлопотать пощечину за эти слова!

– А я и сам могу дать по морде, – не испугался Штоквиц. – Здесь вам не гвардия, чтобы драться на поединках.

– Я не посмотрю на ваши седины! – выкрикнул Андрей, наступая на капитана...

Неизвестно, чем бы закончилась эта ссора, но, наверное, закончилась бы скверно, и Карабанов даже обрадовался, когда за спиной затрещали кусты и Ватнин, вклинившись между офицерами, развел их в стороны:

– Экие петухи, право... Ну чего не бывает на охоте! Разве же так можно?..

– Мясник, – бросил на прощание Карабанов.

– Молокосос, – ответил Штоквиц.

Итак, охота была испорчена. Самка барса, подбитая казаками, успела скрыться, а картечь Карабанова, оказывается, попала не только в лапы, но и в бок зверя: шкура была вся в дырках – урядник Трехжонный взял ее себе.

Ссора же между Андреем и Штоквицем окончательно испортила хорошее настроение, а вскоре из-за гор надвинулись тучи, блеснула молния, потом с неба, до этого чистого, сыпануло таким градом, какого Карабанов еще не видывал в своей жизни...

– Береги коней, казаки! – гаркнул Ватнин. – Заводи их под яворы, ховай в орешник, который погуще!..

Казачьи кони – кони дикие, ни огня, ни грома не боятся, за своего хозяина рвут зубами любого; оттого и недоуздки у них – для кротости – в два ремня шиты, сыромятные, с медными кольцами, как у медведей. Но стихийный ужас был настолько велик, что, разрывая батовые путы, лошади кинулись в гущу леса.

– И это – Кавказ? – удивился Андрей, когда с неба полетели острые, словно кинжалы, градины, ломая толстые сучья, стуча по земле и до крови избивая казаков, ловивших своих лошадей...

Теплое дыхание коснулось его затылка. Андрей оглянулся – за ним стояла Аглая, и глаза ее были широко раскрыты. Карабанов незаметно для других отыскал ее холодную ладонь, ответившую ему слабым пожатием, и вдруг понял, что эта ладонь, как и вся она, его ладонь, и никому Аглая не доверяет себя так, как ему...

– Вот сюда, – сказал он, входя в привычную роль повелителя. – Встаньте вот сюда... Не бойтесь, это же ведь не вечно!..

Зато когда град кончился и снова проглянуло солнце, люди невольно оживились. Карабанов подвел Аглае лошадь, с рыцарской галантностью придержал стремя. Трогаясь в путь, Штоквиц сам подошел к нему.

– Я бы не хотел ссориться, – сказал он. – Тем более с нами госпожа Хвоцинская... Все-таки и до полковника дойти может... И не та причина!

– Ладно, – согласился Карабанов. – Оставим это...

На этот раз, чтобы добраться до Игдыра поскорее, избрали путь более короткий – через горы. Однако дорога сразу пошла по ущельям. Тропа петляла на поворотах, выписывая по скалам чудовищные «восьмерки». Голова длинной цепочки всадников часто встречалась с ее хвостом, и Дениска Ожогин, замыкавший отряд, каждый раз пугливо орал через ущелье:

– Ваши благородия! Как же так? Неужто же я обратно от вас уезжаю?..

– Ну и чертовщина, – ругался Ватнин. – Говорят, будто «колбасу» эту подрядчик Чертов делал. А чтобы деньгу зашибить верней, и наплутал в горах, словно заяц.

Некрасов вспомнил чьи-то стихи, заподозрив в их авторстве Клюгенау:

Ну, Чертов, ты заставил
Тебя недобрым помянуть:
Дорбгой дорогбй прославил
Себя и этот чертов путь!..

Ватнин из мужицкой деликатности, убоявшись спорить с «барышней», как он называл Хвошинскую, уступил ей дорогу, и женщина обскакала офицеров.

– Ну а ты куда вперед батьки в пекло лезешь? – недовольно спросил есаул Карабанова.

– Пусти уж и меня, – сказал поручик Ватнину, обгоняя его мерина Подлясого, и погнал жеребца вслед за Аглаей; но дорога вскоре настолько сузилась, что стремя Андрея стало тереться о выступ скалы.

– Осторожнее! – крикнул он в спину женщине и повернулся назад, чтобы предупредить об опасности Ватнина.

– Не крутись, – отозвался есаул. – Не на стуле сидишь в трактире!..

Карабанов не успел отшутиться: кусок дороги, по которому он только что проехал с Аглаей, вдруг рухнул под тяжестью ватнинской лошади, которая повисла грудью над пропастью.

– Есаул, прыгай! – неестественно взвизгнув, крикнул поручик. – Прыгай, Ватнин!..

Назар Минаевич не очень-то растерялся: отпустил поводья и вынул из стремян ноги, доверяясь опыту своего коня.

– Ну, – сказал он Подлясому, чмокнув, – ну же! Да осади назад, дурной... Ги-ги-ги, корова!

Тяжеленный мерин, уже свесившись в ущелье, вдруг одним рывком, припав крупом к земле, выпрыгнул обратно на тропу, и Назар Минаевич, достав платок, вытер потную лысину.

– А кажись, пронесло, – сказал он, перекрестившись. – Ну, да и ты, поручик, – крикнул он Карабанову, – тоже в сорочке родился. Гроза-то вишь как дорогу порастрясла...

Все это произошло столь быстро, что Аглая, ехавшая впереди, даже не успела испугаться. Карабанов же был сильно напуган. Но, оглядевшись вокруг, он понял, что остается теперь один с женщиной на этой тропе, и радостно засмеялся:

– Прощайте, господа! Поворачивайте и прощайте!..

Аглая с недовольным лицом тронула свою лошадь дальше. Вскоре тропа раздвинулась, лошади пошли рядом, взмахивая головами.

– Отчего ты молчишь? – спросил Карабанов.

– Боже мой, – вздохнула женщина, – я никак не пойму: радоваться мне или огорчаться!..

10

Там, где торговцы жарят кебабы на воткнутых в землю прутьях, там, где зеленеет в корзинах нежная весенняя спаржа, а местные жуиры щеголяют кипарисовыми хлыстиками, там, где купец, продавая иголку, произносит целую речь о необычайных ее достоинствах, там, где заезжий фигляр в чекмене казака лупцует нагайкой дураков, – там, в этом скопище папах и тюрбанов, уманцы подхватили гуляку странного вида и приволокли его в канцелярию.

– Так что поймали! – доложили они Исмаил-хану Нахичеванскому. – «Боксою» грозился и вид казал, будто ни хрена по-русски не понимает...

– Ах, уж и не понимает! – возмутился светлейший подполковник. – Ну, так дайте ему десять нагаек – поймет как миленький!..

Пойманного разложили под окнами, и когда все было готово, Исмаил-хан, не вылезая из-за стола, прокричал до десяти раз. Но, как выяснилось, всыпали не тому, кому надо. Под-

полковник преследовал своим гневом повара-итальянца, нанятого им для похода в Тифлисе; итальянец действительно мало что понимал по-русски, но высекли за дурно приготовленный обед кого-то другого.

– Извини, братец, – повинился перед ним хан. – Но ты бы только знал, до чего же мне надоело есть недожаренных цыплят, у которых даже не выпотрошены желудки... А ты, послушай, – кстати спросил он, – может, ты умеешь готовить?

Оказалось, что высекли представителя гордого Альбиона, путешествующего для собирания трав и растений по горам и весям Курдистана с благословения своей королевы.

– Жаль, что я тебе мало всыпал! – заметил Исмаил-хан с огорчением. – Да и королева у тебя какая-то странная: посылает собирать траву за тридевять земель, а напиши она мне письмо, и я подарил бы ей целую арбу хорошего сена!..

Эта история прошла бы незамеченной, если бы не вмешательство полковника Хвощинского – через верных лазутчиков, ванских контрабандистов-армян, он установил, что интерес к флоре Араратской долины завел высеченного «ботаника» впоследствии прямо в шатер курдского шейха Джелал-Эддина.

Два могучих потока (один – явный – из России, другой – тайный – из Англии) сталкивались на горных тропах, на караванных путях безлюдных пустынь. И сейчас Хвощинского тревожило не столько то, что очередного «ботаника» (читай – военного агента) по воле Исмаил-хана высекли, а то, что после Игдыра он вдруг оказался при курдском шейхе...

– Это далеко неспроста, как вы думаете? – говорил Хвощинский Штоквицу. – Англичане мутили водицу в Хиве, грызлись в Коканде из-за эмира, теперь будут баламутить курдов. А шейх Джелал-Эддин, да будет вам известно, и без того читает проповеди с обнаженной саблей в руке!..

Исмаил-хан удивлялся тоже, и удивлялся искренне:

– Не понимаю: приехал за травами, дурак какой-то! А мне еще говорили, что все англичане – просвещенные мореплаватели... Да, видать, мало я ему всыпал!

Полковник Хвощинский, очевидно, собирался задержать англичанина, как заподозренного в шпионаже... турка, и отправить его в Тифлис; тупая самоуверенность хана Нахичеванского приводила Никиту Семеновича в ярость, и он, пользуясь властью начальника гарнизона, подверг подполковника местной милиции строгому домашнему аресту.

– Но я офицер! – обиделся Исмаил-хан.

– Да знаете ли вы, – зло ответил Хвощинский, – какая существует разница между рядовым и офицером?

– А как же! Конечно, знаю: солдат получает провиант, а офицер берет за него деньгами. К тому же приказывает.

– Может, вы столь же чистосердечно ответите мне, зачем вы служите в русской армии?

– Чтобы получить генеральский пенсioen и уехать в Мекку. Я не глупее вас, – резал Исмаил-хан правду-матку.

– Благодарю за искренность, – поклонился Хвощинский. – Но ехать в Мекку можете и до получения пенсioenа. Только будьте добры, отсидите сначала под арестом.

Исмаил-хан заявил, что он не такой дурак, чтобы жаловаться своему брату, генералу Калбулай-хану, ибо это нечестно, но пожалуется генералу Кундухову.

– В таком случае, – ответил Хвощинский, – вам придется писать самому султану Абдул-Гамиду, к которому бежал этот набожный конокрад. Кстати, он уже стал Муса-пашою, и его бунчук стоит недалеко отсюда – под Эрзерумом...

Встретив Некрасова, которого искренне забавляла вся эта история с высеченным англичанином, Хвощинский сердито сказал:

– Нечего смеяться, штабс-капитан! Стоило трудиться родителям Исмаил-хана, чтобы произвести на свет такого недоумка. Мне жаль милиционеров, которыми он командует и которых он, наверное, погубит при первом же деле...

Некрасов, извинившись, признал свой смех глупым, а полковник ушел в свою саклю, прихрамывая больше обычного и бормоча ругательства...

Когда-то, еще в молодости, трехфунтовое персидское ядро, пронизав под ним лошадь, вырвало у него сухожилие правой ноги и контузило левую. Рассказывая об этом ранении, Хвощинский любил упомянуть как исключительный случай: «Господа, вы не поверите, но лошадь, пробитая насквозь, выстояла на ногах, пока меня не вытащили из седла...»

Костистая фигура со спиной, слегка согнутой; большой нос над небрежными бурыми усами; в руке, спокойно брошенной на опору, заметно слабое нервическое дрожание; при ходьбе привык носить палку из корявой виноградной лозы, – таков был полковник Хвощинский, таким он оставался в памяти человека, видевшего его несколько раз. Другие люди, знавшие его ближе, могли заметить в полковнике небольшое самолюбие и честность, доведенную до скрупулезности.

Любил, например, открыть полковую казну и, сидя битых три часа, поплеывая на пальцы, мусолить драные бумажки ассигнаций; также был способен потратить служебный день на пересчитывание громадного мешка с мелкими монетами для солдатского жалованья.

– А ведь и правда – точно! – удивлялся он к вечеру, измучив казначея придирами, и бережно ссыпал обратно в мешок шелуху пятаков и гривенников.

Но совсем не за это любили его солдаты. Полковник даже не залезал к ним в котелки со своей ложкой, как это повелось со времен Суворова, чтобы выказать наружную заботу о солдате. Он редко посещал и казармы, хорошо понимая, наверное, что к его приходу там все приберут и встретят еще с порога бодрым «здравием». Не видели его и среди солдат, развлекающим их анекдотами о сверхмужской силе, как это делали в те времена многие даже неглупые генералы вроде Скобелева, чтобы под жеребьячий гогот получить ярлык «отца-командира». Но зато однажды Хвощинский подобрал на улице пьяного новобранца, сопливого и матерного парня, рвавшего на себе рубаху, и сунул его проспаться в свою канцелярию, чтобы спасти дурака от арестантских рот. Солдаты-мусульмане не боготворили так муллу в родном ауле, как боготворили полковника: он раз и навсегда велел готовить для них пищу в отдельном котле, чтобы не оскорблять их веры запретной свининой.

Неплохой традиции – приглашать офицеров к своему столу, что всегда ценилось полунцими юнкерами и прапорщиками, – Хвощинский избегал, из скупости, как говорили об этом; впрочем, офицеры и сами не навязывались к нему на обеды, зная, что стол полковника скромный: вместо вина – прогорклый квас, а в супе частенько попадают мухи. Однако, несмотря на это, в гарнизоне относились к Никите Семеновичу с полным уважением, ценили его опыт, и офицеры были довольны, когда полковник с ними разговаривал.

Карабанов же единственный сторонился игдырского коменданта – по причинам, уже понятным. Поручику даже нравилась эта собственная независимость вразрез общему мнению; он где-то в глубине души, может и несознательно, щеголял перед Аглаей своим мужским превосходством. Молодой ум, даже если он хорош, все-таки ум не зрелый: в нем всегда, как ни старайся, есть много такого, что делает иногда человека смешным, и Карабанов в своем стремлении выказать себя перед Аглаей в лучшем виде порой напоминал петуха, о чем ему и сказал однажды Ключенау.

– Послушайте, – сказал прапорщик, – ваши перья, несомненно, играют ярко, ваш дивный хвост красив, а соседние петухи еще не успели как следует надрать вам девственный гребень. Но только – не сердитесь на меня, Карабанов, – к чему вам все это?.. Зачем, например, вы решили вчера на разводе вскочить в седло раньше всех, молодцовствуя перед другими? Ведь

Некрасов и Ватнин умеют гарцевать не хуже вашего, но, уважая Хвощинского, они сели на лошадей после него, ибо знали, что полковнику это трудно при его хромоте...

.....

Разговор происходил в турецкой бане. Карабанова спасло от ответа лишь появление банщика-теллака: опоясанный клеенкой, теллак поставил поручика на деревянные коньки и почти покатило его из грязного предбанника в не менее грязную мыльню. Закутанный в яркую мантию пештамалы, Карабанов не успел опомниться, как уже лежал на каменном пупе «гебек-таши», похожем не то на древний саркофаг, не то на трибуну, – лежал на тонкой египетской циновке, а канарейки звонко распевали над его головой.

– Ты что, подлец, делаешь? – в испуге заорал Карабанов, когда теллак вскочил ему на спину ногами, уперся коленями в лопатки и с хрустом вывернул поручику руки назад. – Барон, что он делает со мной?

– Покоритесь, – посоветовал Ключенау, добровольно вползая пухлым брюшком на самое острие пупа «гебек-таши»...

Тем временем теллак, презирая в душе гяура, без жалости пытал и мучил Карабанова, выламывая ему суставы, поддавал под бока локтями и коленом, потом надел рукавицу из верблюжьей шерсти и надраил поручика, как матрос корабельную медяшку.

– Пожалей меня, – засмеялся Андрей, – я же ведь не в Магомета, а в Христа верую...

Оставив терзания, теллак принес большую чашку и гибкую кисть из тонких белых мочалок. С ловкостью кондитера, взбивающего крем, он вспенил мыльную массу, которая сразу превратилась в пышную ароматную пену. Бойко обмакивая кисть, теллак натер поручика этим благоуханным снегом и потом обмыл его теплой водою из двух блюдец-тазиков.

– Все? – спросил Карабанов обрадованно.

– Удивляюсь вам, – отозвался прапорщик Ключенау, – как вы, такой нетерпеливый, смогли выждать девять месяцев в утробе своей матери?..

– Просто я тогда не мог предвидеть всех дел, какие ждут меня на этом свете...

Когда теллаки решили, что неверные достаточно чисты, они не совсем вежливо спихнули их с «пупов» и выпроводили в отдельный зал для послебанного кейфа. Офицеры опять легли – на этот раз легли на продавленные диваны, и блохи сразу же запрыгали по их пештамалам.

– Не обращайтесь на них внимания, – сказал Ключенау, томно закрывая глаза. – Лучше давайте поговорим...

На соседних диванах лежали несколько белых неподвижных мумий – это были курдские беки, как объяснил барон; из-под саванов торчали только лица и трубки с мундштуками от наргиле: кожаные чубуки, посапывая и шевелясь, как змеи, убегали к полу, где стояли хрустальные сосуды. Курды тихо разговаривали, и Ключенау шепотом сказал:

– Вы даже не представляете, Карабанов, о чем они беседуют... Сейчас они хвастают друг перед другом, кто из них сколько ограбил караванов, зарезал людей, угнал овец или похитил женщин!

– Однако, – заметил Андрей, – какие красивые и благородные лица у этих варваров!

– А это оттого, – пояснил Ключенау, – что на протяжении столетий курды похищают для себя самих красивых девушек.

– Я бы их всех – в Сибирь, пусть облагораживают себя за счет тунгусок, – сказал Карабанов со злостью.

– Вы просто не знаете Востока, – возразил прапорщик. – В этом виновен не столько сам курд, сколько английское золото. Константинополю выгодно иметь такой политический буфер, как племена курдов: любое свое преступление султан оправдывает дикостью вот этих беков...

Карабанову подали кофе. В мраморной раковине, обставленной горшками роз, тихо журчала струя жиденького фонтанчика. Канарейки пели не уставая в своих клетках, украшенных голубыми бусами. На карнизах окон, среди искусственных цветов, были расставлены кофей-

ники, коробки с мускусным мылом и груды серебряных чашечек, исписанных заветами из Корана о необходимости омовений тела и о тех сладчайших утехах, которые готовят мусульманину божественные гурии...

– Барон, – вдруг заметил Карабанов, – что это у вас на ногах? Вроде браслетов?

– Это следы от кандалов, в которых я сидел в чеченском плену, пока меня не выкупили. Бежать я не смог: цепь с моей шеи пропускали на ночь в отверстие в стене и мой хозяин привязывал ее к своей постели. Но со мной были еще два солдата-апшеронца. Они носили только ножные кандалы, а мою цепь чеченцы продевали между их ногами. И все-таки я устроил им побег. Вот подумайте, как это можно сделать, при условии, что кандалы мы не расклепывали, а я не пролезал вроде собачки меж ног этих апшеронцев!..¹

У выхода из бани сидел обрюзглый хозяин, еще издали протянув к офицерам круглое зеркальце. Но протянул не так, чтобы Карабанов мог на себя посмотреть, а плоско, на вытянутой руке, и барон Ключенау бросил на зеркало две звякнувшие монеты.

Когда они вышли на пыльную улицу, прапорщик любовно взял Карабанова за локоть.

– Послушайте, Андрей Елисеевич, – сказал он, – мудрую восточную сказку... Однажды лисицу позвали в суд. Лисица сказала, что она хорошая лиса. «Кто может это доказать?» – спросили ее. Лисица сослалась на своих друзей. «Кто же твои друзья?» – спросили ее. Лисица показала на свой пышный хвост... Не оставайтесь с хвостом, Карабанов!

– Вы это к чему? – нахмурился Андрей обидчиво.

– К тому, чтобы вы, как бывший гвардеец, не брезговали нашим скромным армейским быдлом. Вы бежали из Петербурга в Игдыр, но из Игдыра бежать обратно в Петербург не придется. Даю вам совет: полюбите свою сермягу, чтобы...

– Стать мужиком? – засмеялся Карабанов.

Ключенау пожал круглыми плечами:

– Это неостроумно. Но Петербург далеко, а Баязет рядом, вон за теми горами Чингильского перевала, и одному туда не пройти!..

11

Вечером сотников вела уже одна дорога: одна тягучая мгла, напоенная ароматами трав и туманов, окружала их, и стремя Ватнина дружески звякало невзначай о стремя поручика.

– Назар Минаевич, – спросил Андрей, – от границы обратно побежим или как? Говорят, завтра уже войну объявят!

– Про то неведомо мне, – скромно отозвался Ватнин.

Через прореху облаков иногда вырывалась лунища, и тогда притаившийся турок, если он сидел у дороги, наверное, видел, как пролетают во тьме косматые казацкие кони, как блещут расчехленные ружья, как стрелами вонзаются в ночь склоненные наотмашь пики.

Две полусотни скакали на очередную рекогносцировку в араратские долины – посмотреть издали на турецкие горы, рысью прогарцевать вдоль говорливой реки, подышать ветром ущелий – не горит ли где аул, послушать чуткую землю – не топчут ли окаянные орды османов?..

Это была чудесная ночь, какие остаются в памяти на всю жизнь. Будет еще много ночей впереди, но уже никогда не вернуть очарования этой, вот именно этой – темной, тревожной, сегодняшней, Андрей полюбил в эту ночь самого себя, ощутил красоту человека в самом себе,

¹ Автор нарочно не раскрывает здесь секрета этой головоломки в надежде, что кому-либо из читателей покажется любопытным самому разгадать способ освобождения от цепей. За справкою отсылаю в «Русский архив» за 1869 год, где указывается о подобном случае побега из чеченского плена двух русских солдат (Иван Федорович Клиnger).

и в трепете своей необстрелянной души было для него что-то новое, необыкновенно радостное...

Потом он заметил, что казаки, заматерелые в рубках и ночных походах, решили не тратить времени даром и стали дремать в своих шатких седлах. Андрей тоже закрыл глаза и тут же вспомнил Аглаю – вспомнил, как встретил ее сегодня на улице: она шла с базара, ее милая ладошка была стиснута в кулачок, она доставала что-то оттуда и грызла. Аглая так и ушла, как сон, в глубину кривых грязных улиц – вся такая белая, стройная, легконогая...

«Милая, милая, милая!.. Ты даже и не знаешь, куда несет меня сейчас мой Лорд, какой завтра я встречу рассвет, какие цветы помнет мой конь своими копытами... Прощай, моя радость, спокойной ночи тебе!..»

– Стой! – раздалась команда Ватнина, и сразу шумно вздохнули лошади. – Ребята, ружья на изготовку... Шашки – подбрось!..

В темноте раздался тихий лязг и скрежет. Карабанов тоже слегка подвытянул шашку из тугих ножен, чтобы в нужный момент ее не заело, чтобы она стремительно обнажалась для удара.

Одинокая звезда вдруг загорелась над головой поручика. Где-то во мраке надрывно и горестно плакал шакал.

Карабанов подъехал к Ватнину:

– Назар Минаевич, что это за горы там?

– Агры-Даг, ваше благородие. Они далече от нас...

– Ну так что? Завернем вправо? Я-то ведь здесь ничего не знаю. Впервые.

– А это уж как будет угодно вашему благородию. Мы люди необразованные, в пажих не ходили...

– Слушай, Назар Минаевич, – сказал Карабанов, – с чего это зарядил ты «благородие» да «благородие»? Или я обидел тебя чем?

– Да нет, – тихо ответил Ватнин, – бог миловал... А что «благородие» – так это и верно: не каждому же мужиком-то быть. Эвон, про вас сказывают, что вы из тех... при особе состояли. А я-то, старый дурак, встретил вас да прямо в губы. Казак, думал. Свой...

Карабанов все понял.

– Ну, вот что, Ватнин: ей-богу, оставим это, голубчик. Не сегодня так завтра – война. Может, мы оба костыми поляжем за отечество, – так неужели же мы не равны с тобой? Мне-то звание легко досталось – мое счастье, а ты вон из мужиков в офицеры вышел – твое счастье!.. Ну, давай по рукам!

Они хлопнули по рукам, и Ватнин сказал:

– Туда надо ехать. Видишь, Андрей Елисеич, там какая-то стерва костер разложила...

У костра никого не нашли, только была оставлена «сакма» – следы множества лошадей и всадников на траве. Ватнин разрешил казакам передохнуть, раскрыл широкую баклагу, дал отхлебнуть Карабанову водки.

– Дюже хорошо, – сказал он. – Ежели понемногу да почаще. И не пьян вроде, а все теплее как-то...

Казаки заводили разговоры о постороннем, и до Карабанова доносился хрипловатый говор старого Егорыча.

– Вот и выходит, что ты ее снасильничал, – ругал он Дениску. – Надоть, чтоб баба сама позвала тебя. Для этого ври ей напропалую – проверять-то все равно на Кавказ не поедет. Я баб враньем беру!

– Ты на это мастак, – заметил урядник. – Брешешь так, что к старости губы истреплются – нечем зубов закрывать будет...

Ватнин закрыл баклагу, отплюнулся.

– О бабах, – сказал, – они это любят. Только не слушай ты их, Елисеич, они ведь врут на себя все больше!

– А ты женат, Назар Минаевич?

– Освободила покойница, – с печалью отозвался есаул. – Мой грех был, что богатую взял. На сундуки позарился. Сам-то я из бедных. Нам богатство в диковинку было. Вот и показала она мне, как шилом патоку едят! Да и квелая была, лядащая баба. Одначе насупротив ее не моги: горло перегрызет. Не дай-то бог, сколько я через эту свою зависть к богатству мучений принял!

– Детишки-то есть? – спросил Карабанов, удивляясь откровенности признаний есаула.

– Дочка одна. Лизаветой кличут. Девка хорошая. Все в книжку да в книжку так и тычется... Ладно, поехали-ка мы с тобой далее, неча время терять!

Бессонная ночь прошла в разъездах. Светало медленно, словно нехотя; туманы, повисавшие в долинах, не спеша таяли. Полусотни ехали вдоль какой-то узкой, но бурной реки, за которой уже лежала Туретчина.

– Эвон, – махнул есаул плетью, – уже не наши овцы пасутся! Тоись, – поправился он, – и наши они, почитай, коли их по ночам из расейских аулов хищничают!..

Отряд возвращался обратно в Игдыр, и казаки, теперь уже не стесняясь, посапывали в седлах.

– Война будет, – сказал вдруг Ватнин вполголоса, ни к кому не обращаясь, и глубоко, надрывно вздохнул.

Карабанов тоже подумал о войне, но страхи его были иными: он знал, что сотня мало верит в него, видит в нем чужого, непонятого человека, и заслужить эту веру Андрей сможет лишь в каких-то диких, отчаянных рубках.

– Будет, – не сразу отозвался он, – будет война, Назар Минаевич, только не тебе бы вздыхать, а мне!..

И вдруг откуда-то из ущелья вихрем выскочил на поджаром арабчаке курд и, вздыбив лошадь, заплясал на своем берегу, заголосил весело:

– Ай, гяур, гяур! Совсем плох гяур – в гости не позвал. Осман – хорош; иди, говорит, в гости. А урус – нет, жадный урус...

Казаки ехали молча, только изредка лениво поплеывали в кипящую на порогах пену. А курд смеялся, а конь его крутился чертом, а одежды горели.

Этот курд был, видимо, богат, и одет он был вот во что: малиновая куртка с разрезными от плеча рукавами, шаровары синие, в золотых шнурах, из ярких шалей пояс, сапоги желтого сафьяна, высокая чалма перевита цветными платками, сбоку кривая шашка, а на левом локте щит из буйволового кожи, укрепленный изнутри медной сеткой.

– Плохой гяур, поганный, – кричал он через реку, – мой собака плюются... Гяура варил долго... один день, второй ночь... он вонючий, гяур. Уши урусу отрезал – плохой уши, не жирный...

Казаки молчали, но уже стали косо поглядывать из-под своих папах на другой берег. Только один Ватнин как будто и не слышал ничего – как ехал впереди, так и едет. Наконец курд истощил свое остроумие и, развернув коня, задрал ему хвост, продолжая орать:

– Эй, урус, вот твой баба... вот твой бог... Мой аллах высоко, а твой бог под хвост живет...

Потом фантазия курда пошла еще дальше: высоко привстав на стремянах, он начал спускать с себя шаровары.

Дениска Ожогин не выдержал, выстрелил для острастки – не попал, и курд снова расмеялся.

Карабанов неожиданно подумал, что, случись набег турецкой орды на спящий Игдыр, и вот эта скотина может захватить его Аглаю, еще теплую, с постели, растерянную, в одной рубашонке, ничего не понимающую и жалкую в этом ее непонимании...

Этого для него было достаточно.

– Господин поручик! – закричали ему. – Вернись, благородье... Куда ты?

Захлопали суматошные выстрелы, но Лорд уже разрушал грудью стремительный поток. Словно чугунные ядра, перекатывались под его копытами камни.

Андрей едва успел выхватить шашку, как на него круто налетел, полный силы и решимости, турецкий башибузок. Сталь со звоном царапнула сердце поручика страхом, но сильные лошади уже разнесли их в стороны...

– Ой дурак! Ой дурак! – долетал с того берега голосина Ватнина...

В Пажеском корпусе его обучал фехтованию француз Шетарди – веселый и легкий, как Фигаро, он и драться учил легко и красиво. Но теперь перед Карабановым стоял не благородный противник, и не тонкое, почти ювелирное искусство владело его саблей, а животный инстинкт наживы и крови...

Казаки и пришли бы на подмогу к поручику, но воющий смерч горной воды страшил их коней, и до Карабанова долетали только их советы:

– Потрафь справа!

– По щитку-то сунь, сунь!..

– Не пущай за повод хватать!..

– Руби, а не коли: у яво панцирь!..

– Локоть отставь, срубнет...

Улучив момент, Андрей ударил снизу, отбив саблю врага в сторону, и сам не заметил, когда щит был раскроен им надвое. Еще два-три перехлеста лезвий. «Так, – решил поручик, – теперь я возьму его на финтугард».

– Вжиг! – пошла вперед шашка: успел увернуться, вшивая гадина...

– Ай гяур, ай гяур!

– Замолчи, собака! – прикрикнул Андрей.

Вжиг... вжиг... дзинь... дзень...

Лошади грызут одна другую – звереют тоже.

«Раз! – на тебе, получай», – и сабля курда со звоном взлетела кверху; он едва успел перехватить ее за ремень.

– Ловок, бес! – донеслась из-за реки похвала Ватнина, но к кому она относилась – к нему или к курду, Андрей сообразить не успевал.

Вжиг... вжиг...

Все-таки, что ни говори, а спасибо вам, мсье Шетарди: этот дикарь уже не насккивает, а только защищается...

Раздалось: «Крак!» – и Андрей опустил свою шашку. «Неужели так просто убить человека?» – подумал Карабанов и удивился, что нет в нем никакой жалости. Он долго ловил недавнего арабчака и отдал лошадь Ожогину.

– Бери! – щедро сказал поручик.

С. П. Шевырев

Состоялся неприятный разговор. Потресов поймал его за рукав на улице, оглянулся воровато и жалко, спросил:

– Андрей Елисеевич, вы меня извините, пожалуйста, но... Нет ли у вас займы? Рублей сорок?

– Вы знаете, майор, – сказал Карабанов, – я давно ждал, что вы попросите у меня денег. И меня даже предупредили, чтобы я не давал их вам.

– Да? Кто?

– Капитан Штоквиц.

– Боже мой, ну что я ему сделал плохого? – приуныл майор. – Выручите, голубчик, если можете!

– И я, – досказал Андрей, – конечно, с удовольствием бы вас выручил. Я не обращаю внимания на сплетни. Но, увы и ах, сам без копейки!

Потресов сразу как-то сник, даже обмяк телом, погоны повисли на его плечах наклонно.

– Вы не поверите, но так надо, так надо. Хотя бы рублей двадцать! – И лицо у майора плаксиво вытянулось; стало его жалко – у него были такие добрые и чистые, как у ребенка, глаза...

Карабанов вынул из кармана дорогую папиросницу, полученную в приз на скачках в Красном Селе от великой княгини Евгении Максимилиановны Лейхтенбергской; крупный солитер, вправленный в платиновую подкову, хранил в себе надежду Андрея когда-нибудь кутнуть на его стоимость.

– Пошлите денщика к менялам на майдане, – щедро разрешил он майору. – Возьмите себе сколько нужно, а остальное просадим в Эривани. Берите...

– Нет, что вы, спасибо, но... не могу я вас лишить такой вещи! Извините меня...

Потресов ушел, сгорбившись. И то, что не удалось выручить человека в беде, было обидно и неприятно. Карабанов поспешил скрыться в казарме.

– Куда вы собираетесь, Штоквиц? – спросил он.

– Не хочется, гвардионус, да надо. В Эривань!

– Чего же не хочется? – вяло улыбнулся Андрей. – Там можно хотя бы попьянствовать.

– Если бы один ехал, – согласился Штоквиц, – так и запьянствовал бы, наверное. А то ведь со мной еще полковник Хвоцинский... Сам не пьет и другим не дает! Согласитесь, что это самая противная категория людей.

– И надолго? – спросил Андрей, а в глотке у него уже стало сухо, как тогда, в дорожной харчевне, когда впервые услышал ее имя.

– Да черт его знает, поручик! – продолжая собираться, ответил Штоквиц. – Все зависит от того, как совещание. День или два, наверное. А потом, я думаю, откроем границу для эшелонов. Государь император, говорят, уже выехал из столицы и направился в Кишинев...

Штоквиц ушел, и Карабанов, оставшись один, тяжело задумался, – так обдумывают ночное убийство, так интриганы готовят свои поклепы, так игроки решают судьбу последней карты. В этом случае Андрею было нелегко... Молодой, быстрый, далеко не дурак, порывистый в чувствах, он никогда не смущался положением любовника при замужней женщине и пользовался одинаковым успехом, начиная от дачных вертепов на Полюстровских водах и кончая темными будуарами пожилых великосветских барынь. Но к Аглае он всегда относился честно: рядом с ней и он бывал другим – лучше и чище...

Однако теперь, оторванный от прежней жизни, заброшенный в самое захолустье империи, где его никто не знал и он – никого, Карабанов был одинок, и Аглая была последним звеном в его прошлом. Старое влечение к ней, как зерно, долго пролежавшее под спудом земли,

вдруг созрело и взошло свежим зеленым побегом – любовью, – так хотелось думать Карабанову об этом чувстве.

И весь день он ходил по душному Игдыру как пьяный, в каком-то сладком полусне. И виделось ему при дневном свете то, что дано человеку видеть только ночью. Бывает же такое. Ну куда человеку деться?..

Сел на завалинке играть с прапорщиком Латышевым в шахматы. Прапорщик хотя играл и хуже Андрея, но раздражал его комментариями.

– Я возьму у вас коня, – предупреждал поручик.

И, в раздумье берясь за патрон от «смит-вессона», заменявший фигуру коня, Латышев с пафосом декламировал:

– Что ты дремлешь, конь ретивый, что ты шею опустил?..

Карабанов говорил ему:

– Здесь можете ходить слоном.

И прапорщик, хватаясь за пуговицу от солдатского мундира, заменявшую фигуру, вспоминал из басни Крылова:

– Слона-то я и не заметил...

Наконец все это надоело Андрею, и он перевернул шахматную доску с патронами и пуговицами ко всем чертям собачьим:

– Да что вы, прапор, будто гимназист, хрестоматию мне тут зубрите? Играть так играйте, а просвещать меня не советую!..

Не зная, куда деть себя, пошел на базар. Очертя голову ринулся Андрей Карабанов в этот яркий азартный омут. Шум, толкотня и запахи оглушили его. Карабанов жевал кишмиш, лез пальцами в бочку с дегтем, с видом знатока стучал ногтем по кувшинам. Из озорства отдернул на одной красотке чадру, плетенную из конского волоса, и в ответ на его дерзость старый повелитель, толстоносый грязный айсор, издал глухое шипение.

– Ну, не шипи, – сказал Андрей ревнивцу. – Я вот у тебя эту бирюзу покупаю...

Чья-то рука легла ему на плечо: это был Ключенау.

– Не советую покупать, – с усмешкой заметил барон. – Бирюза – камень зловещий. Столетиями она растет на костях людей, умерших от безнадежной любви. Пойдемте-ка лучше со мной и послушаем пение нищих «сатаров»!

Прислонясь тощей спиной к стене караван-сарая, нищий перс сидел на солнцепеке, раскинув босые черные пятки. Впалый и влажный рот его был полуоткрыт, вокруг него кружились знойные зеленые мухи. Он был одет в русский полушубок, вывернутый шерстью наружу; по голой груди его, бронзовой от загара, медленно струился грязный пот. Лицо сатара было матово-зеленоватым, и узкие персидские глаза томно посмотрели на офицеров.

– Восточный соловей, неподражаемый Рубини из Баязета! – сказал Ключенау и бросил перед певцом монету.

Сатар достал из-за спины медную тарелку. Первый звук его голоса был печален и напоминал далекое эхо в горах. Но вот певец оживился, высокая нота, дребезжа и вибрируя, взлетела куда-то к пыльному небу. От напряжения пальцы на ногах сатара широко растопырились. Кадык на его шее, острый и шершавый, круто перекатился под мокрой от пота кожей, и он закрыл лицо тарелкой.

– Боже мой! – удивился Карабанов и невольно вздрогнул: в этом напеве он слышал отклик своим желаниям, каждый звук голоса опадал на него, казалось, расплавленными каплями. – *C'est etonnant! Mais on n'y peut rien comprendre*, – добавил он, повторив по-русски: – Удивительно! Но тут ничего нельзя понять...

– Обратите внимание, – сказал Ключенау задумчиво. – Этот сатар переплетает одну ноту с другой, словно нити в драгоценном хорасанском ковре. И притом, где же тут предел законам человеческого дыхания, если эти нити у него бесконечны?

– Я больше не могу, – сказал Андрей и отвел тарелку от лица сатара.

Нищий, впавший уже в какой-то экстаз, продолжал свой мотив, и только тут поручик увидел, каких трудов ему стоит пение: лицо сатара было обезображено выражением муки; искривленное и уродливое, оно было почти отвратительно...

– Вот тебе еще! – бросил поручик монету нищему и в этот момент увидел Аглаю.

Рассеянно озираясь, она пробиралась через толпу, а за ней следовал денщик мужа с громадной корзиной овощей на плечах. Андрей, расталкивая ораву торгашей, кинулся вслед за ней, перехватил за локоть:

– Аглая, постой... Ты нужна мне... Постой!

Она остановилась.

– Зачем я тебе, Андрей?

– Аглая! Я был лишен тебя целых два года. Но сейчас, когда ты рядом, когда ты меня любишь...

– Я не люблю тебя, Андрей. Нет. Не люблю.

– Это неправда. Я приду к тебе сегодня.

– Не смей и думать.

Поток людей вертел их в своей толчее и нес куда-то.

Андрей не выпускал локтя женщины.

– Ну скажи хоть одно слово, – просил он.

– Уйди, Андрей. Вон идут офицеры. Боже мой, что я стану говорить дома?

– Аглая, скажи – ты думаешь обо мне, да?

– Нет, Андрей, не думаю.

– Ну, так я приду к тебе и заставлю думать...

– Андрей, мой милый. – Аглая остановилась. – Забудь меня... И не смей приходить: я посажу денщика у дверей, и он тебя не пустит!..

День этот прошел в каком-то душном угаре. Вечером принял рапорт от урядника.

– Лошади здоровы, – сказал Трехжонный.

– А люди? – спросил Андрей.

– Здоровы, – вздохнул урядник. – Люди не лошади: им ничего не сделается. А вот – лошади!..

– Я тебе уже говорил, что доклад надо начинать с людей, а не с лошадей... Понял?

– Да чего тут не понять... Вот я и говорю, что лошади здоровы и люди тоже...

Настала ночь. Карабанов отчаянно решился. Денщика, как и следовало ожидать, у дверей не было. Но сами двери были приперты изнутри чем-то тяжелым. Андрей тихо постучал. Бродячая собака подошла к нему из темноты и, помахивая хвостом, обнюхала полы его шинели.

– Иди, иди, – сказал он ей, – не до тебя мне сейчас...

Обойдя саклю вокруг, Карабанов забрался в колючие заросли терновника. Выпутываясь из цепких ветвей, подошел к окну, задернутому занавеской. «Наверное, здесь», – решил он. Андрей, придерживая шашку, неслышно перекинул ноги через подоконник...

Аглая спала глубоким сном, разметавшись на широкой тахте, удивительно прозрачная и светлая. Поручик тихо присел с ней рядом, погладил ее колено.

– Аглая, – шепотом позвал он, – проснись...

Женщина проснулась как-то рывком, стремительно вскочила на ноги, в одной сорочке, босая, отбежала к стене.

– Ой, кто здесь?

– Не бойся, это я...

– Зачем ты пришел? Я же ведь просила тебя...

– Прости, – повинулся он.

– Уйди сейчас же, Андрей!

Карабанов медленно приблизился. Губы женщины мелко вздрагивали, когда он целовал ее.

– Ты любишь меня? – спросил он.

Она молчала.

– Почему ты молчишь?

– Я пропаду с тобой!

– Ну и пропадай, – сказал он, и шинель сползла с его плеча на пол...

– Андрей, – уже не защищаясь, а только закрывая лицо ладонями, почти умоляла она. –

Ну что ты делаешь, Андрей? Уйди, я же ведь просила тебя...

– Я так хочу, – ответил он и продолжал ласкать, жестоко и бесстыдно...

И на вторую ночь он пришел снова. Она лежала перед ним, уже открытая вся, робкая и доверчивая.

– Ты мой милый, – говорила она. – Я даже не знала, что все это так... так хорошо! Если бы ничего у меня в жизни не осталось больше, то стоило бы жить, чтобы принадлежать тебе...

Он поцеловал ее, и она спросила:

– Боже мой, что же дальше-то будет? Ты знаешь?

– Нет, – признался он.

– Вот и я не знаю...

.....

Дальше был Баязет.

Ночные всадники

*24 апреля царь прибыл в Кишинев и подписал манифест о войне... Мы еще не могли предвидеть тогда всего, что лежало за горами Агрыдагского перевала, но само звучание этого слова – «Баязет» уже дразнило и распаляло наше воображение. Издалека он казался нам даже прекрасным. Главные силы армии были брошены на Каре и в долины Евфрата; генерал Тер-Гукасов отчленил нас от своего отряда, и полковник Хвоцинский открыл перед нами ворота Баязета; об этом прекрасном человеке я всегда буду вспоминать с особенным уважением...
Штабс-капитан Ю. Т. Некрасов*

1

В горах лежали снега, проливные дожди, нагнанные ветрами с Каспия, лили три дня подряд, расквашивая и без того дурные дороги, потом на землю хлынуло солнечным нестерпимым жаром, грязь быстро испепелило в горькую пыль, и тогда по этой пыли, проклиная ее и глотая ее, двинулся баязетский эшелон Эриванского отряда...

Арарат – как зернистые головы рафинада в синей обертке древних небес; он слева от дороги, а сама дорога – будто дьявол проложил ее здесь: раскидал кое-как камни, повырывал деревья, напетлял, напутал и перекинул на страх путникам легкие скрипучие мостки над ущельями. Орговский пост!.. Кордонные казаки сворачивают службу: хранить уже нечего, коли прошла вперед армия. Дорога забирает вправо, потом все вверх и вверх... Чингильский перевал; пока пройдешь его, захочешь рубаху переменить, нелюбимую жену вспомнишь, лютому врагу обиды простишь.

«Агры-Даг» – таково название горным страхам.

– Слава, богу, – крестятся пожилые, когда перевал закончился, – теперь, кажись, от неба к земле идем!..

И вдруг за поворотом зовет петух, выходит на крыльцо в паневе и бусах девка Алена, визжат на коромысле пустые ведра, толкуют старички на завалинках, пятистенки смотрятся в ущелье резными окнами, потянуло из труб над избами ядреным духом печеного хлеба.

Но – нет: здесь не напоят солдата водой, не всплакнут по его судьбине, доведя до околицы, старая бабка не сунет в ранец печеных яичек, не дадут глотнуть молочка. Угрюмо и одичало проходят русские солдаты через такие деревни: молокане да духоборы, беглецы из России, они притулились к туркам, ищут за горами высокими свою веру.

– Ать-два... Ать-два! – иногда кричат офицеры.

Идет вперед армия – лишь один ее эшелон, а сколько таких эшелонов проходит сейчас, и земляки где-то уже шагнули через Дунай – навстречу славянам: там-то небось веселье!..

Ой да и горы же
Вот горы крутые вы.
Мои высокие
Ой вы дозвольте, горы,
У вас постояти:
Ой да не год нам здесь,
Не год годовати...

– Кто там язык оттянул? – кричит из седла Штоквиц. – Или по морде не получал давно? Прекратить! Здесь камни едва дышат – вот-вот жажнет обвалом...

Спустились еще ниже. Вот уже и долины – солончаки, сады и мельницы. Армянские аулы, курдские шатры плещутся шелками в ущельях, в зелени бузины. Пахнуло живым, человеческим. Дорога распахнулась пошире.

Вода плещется в бурдюках, замотанных в мокрые циновки. Трещат по камням, как митральезы, лазаретные линейки и аптечные двуколки. Крякают на ухабах артиллерийские фургоны. Ракетные станки², словно одобряя все это, кивают треногами на поворотах. Важно плывут заноздренные в кольца верблюды: на их горбах ящики с гранатами, патронами в переметных хурджах, плоты из гуттаперчи для переправ через реки. Следуя за эшелоном, дымят походные кузни; два коваля, ефрейтор и солдат, тут же, скинув мундиры, бьют молотками по железу, спешат не отстать от эшелона. И совсем уже в хвосте отряда, невидимая в облаке пыли, орущая и блеющая, тащится гонимая гуртоправами баранта овец – запас жира и мяса для баязетского гарнизона.

Идет солдат, шагает солдат. На всю войну отпустили ему 182 патрона, и учили его фельдфебели так:

– Ты, деревенщина, три выстрела дай, а потом – беги; коли добежал живой, – сучи яво штыком, нехристя, о пальбе же забудь теперича, потому как не твоего это ума дело!..

Офицеры учили фельдфебелей иначе:

– Понимаешь, братец, дело-то тут такое, как бы объяснить тебе попроще?.. Солдат – дурак ведь, сам знаешь, учить его трудно. А так – пусть себе штыком бьется: дураку оно проще!..

Генералы учили офицеров поточнее:

– Господа, пусть в Европе выдумывают что хотят. Техника там, все такое. Суворовы-то все равно не у них, а у нас были. Мужик у нас, слава богу, темный: его на врага надобно только науськать, а там, глядишь, дело-то и завертится...

Генералов же учили тоже, но преподносили им эту мысль уже в ином виде:

– Штык дает, ваше превосходительство, самый быстрый и решительный результат, активно воздействуя при этом морально, в то время как огнестрельное оружие подобного результата не имеет и, подрывая нравственную основу, ослабляет потенцию наступления...

Идет солдат, шагает солдат. По горным тропам идет, где оставил свой след бродяга-тигр; шагает по долинам, где в белом цветении шумят сады, и в каждой завязи – слива, персик, инжир, хурма или нежная тута. «Вот уплетать-то будем, – надеется солдат. – И домой наберем, ежели не под крест ляжем!»

Давит в загривок ранец, шанцевый инструмент шлепает по боку, крутится фляга, оттянула руку винтовка, натерла плечо скатка шинели, жесткий ворот мундира врезался в подбородок.

– Ать-два... Ать-два!..

Идет солдат – идут 182 патрона:

1 – в магазине,

35 – в поясе,

24 – в ранце,

60 – в вагенбурге,

52 – в хурджах,

10 – в обозе...

² Ракетное оружие нашло применение в войне 1877–1878 годов, хотя было еще далеко не совершенно. Русские офицеры того времени приписывали ракетам сильное деморализующее действие на противника, особенно на конницу. Внешне ракетный станок напоминал современный миномет. С вооружения русской армии ракеты были сняты в восьмидесятых годах прошлого столетия.

Итого – 182 выстрела, не больше, может сделать он в эту войну. Генералы все сосчитали – не сто и не двести, а вот именно 182: «Вишь ты, Ванюха, генералы-то какие у нас точные, тютелька в тютельку!» А только вот интересно бы знать Ванюхе: отчего это иной патрон в ружье не зарядить? Даже с дула совать пробовали – нет, не лезет, проклятый.

– Ваше благородие! Опять не лезет...

Некрасов берет патрон, швыряет его в канаву:

– Сволочи! Опять не тот калибр...

Нагоняя офицеров, штабс-капитан говорит:

– Милютин все-таки винить трудно: не будет же сам министр сортировать патроны по ящикам. И как министр он сделал для армии уже много. Но еще с докрымских времен, господа, все катится по старинке. Реформы только причесали армию, но мода прически – ходить растрепанным – осталась прежняя. Солдата мутят и портят генералы, которые носятся с этим штыком, как нищий с писаной торбой. Так и кажется, что они готовы испытать превосходство штыка перед пулей на собственном пузе!

– К вам прислушиваются нижние чины, – замечает Штоквиц.

– Ну и пусть слушают... Надо же когда-нибудь простому человеку знать правду-матку!

Потресов, сидя на прыгающем лафете, удерживает между колен узелок с едой.

– Вы бы посмотрели, – кричит он издали, – что мне подсунули в арсенале! Целых две тысячи «шароховых» гранат, уже снятых с вооружения...

– Черт возьми, – молодое рассмеялся Карабанов, – может, лучше повернуть обратно? Ведь турок вооружали англичане...

Евдокимов с улыбкой посмотрел на него сбоку:

– Уверю, поручик, что сейчас наш солдат способен побеждать даже с дубиной в руках. Дрын из забора выломает – и... «*Veni, vidi, vici*»³. Потому что пусть даже серый, щи лаптем хлебал, еловой шишкой чесался, он все равно понимает смысл этой войны...

Полковник Хвоцинский остановил лошадь, хрипло и надсадно прокричал в самую гущу пыли, повисшей над колонной:

– Господа офицеры! Прошу подъехать ко мне!

На разномастных лошадях, в посеревших за день рубахах, на которых даже погоны поколебались от едкого пота, его окружили офицеры баязетского эшелона.

– Господа, – начал Хвоцинский, сгоняя с шеи коня здорового овода, – перед нами лежит Туретчина: русская дорога кончается, эти камни и скалы – уже не наши... Не мне объяснять вам священные цели этой войны, ежели каждый из нас глубоко страдал все эти годы от желания помочь нашим братьям по духу, культуре и крови. Мне бы очень хотелось пожелать вам *всем* вернуться обратно на родину в любезное нам отечество, но... Вы сами понимаете, господа, что это, к сожалению, невозможно. Однако я уверен, что *все* честно выполняют свой долг и не посрамят чести славного русского воинства... Помолимся вместе, господа!

Офицеры сняли фуражки и часто закрестились. Исмаил-хан Нахичеванский, сойдя с лошади, расстелил на камнях изящный сарухский коврик и, оттопырив зад, творил священный намаз. Асланка, денщик его, стоял с полотенцем в руках. Ключегану подтолкнул Андрея локтем, и они оба улыбнулись...

Снова раздались команды:

– Первая сотня, на рысях – в голову!

– Хоперцы, куркули собачьи, куда вас понесло?

– Барабанщики, дробь!

– Осади полуфурки... назад, назад!

– Полы шинелей – за пояс, ворота – расстегнуть!

³ «Пришел, увидел, победил» (лат.).

– У кого ноги натерты, сдать ранцы в обоз!..

Снова начинался поворот, и там, где дорога круто падала на дно ущелья, сливаясь с разливом мутной воды, все увидели крест.

Россия кончалась крестом, который словно зачеркивал прежнюю мирную жизнь, и где-то вдали уже всходил над скалами кривой, как ятаган, полумесяц ислама – символ горечи и обид, претерпленных славянами.

Крест!..

2

Ветхий, покосившийся, из обрубков корявого орешника, этот крест хранил на себе следы глубоких, еще свежих царапин, – какой-то зверь ходил сюда, наверное, по ночам и точил об него свои когти. А рядом, отброшенный кем-то в сторону, валялся покоробленный лист ржавой жести, и на нем еще можно было разобрать слова:

Господи, прими дух их с миром. Покойся тута прах полковника Тимофея, урядника Антипия и рядового Назария, за веру и Отечество главы свои в 1829 году на сем месте поклавших.

– Поправить крест, – распорядился Штоквиц.

Ватнин откусил размочаленный кончик плети, сплюнул на сторону, сказал задумчиво:

– В двадцать-то девятом годе здесь ишо мой батька, как и мы теперича, Баязет шел оты-мать у турка. Ой и страху же они натерпелись! Две недели подряд по солнышку, как батраки, вставали и, пока не стемнеет, по стенам насмерть рубились. Ни одного офицера не осталось. Воды – ни капли, солили конину порохом... Дюжий у меня молодец был батька! Я сопляк перед ним, он меня в баранку скрутнет и в огород закинет...

Карабанов уютно и мерно покачивался в седле. Над кружками солдатских голов и папахами казаков торчали, в ряд с пиками, взятые от пыли в чехлы, боевые штандарты. А вокруг, куда ни глянешь, мелькают крепко взнузданные морды лошадей; местная милиция щерится зубами на черных прожженных лицах. И висит над людским гвалтом ярко-красное безжалостное солнце, словно подвешенное над колонной в буром венчике пыли!..

Но при вести о переходе границы сразу стихли крики и разговоры, казаки оборвали песню. В суровом, почти благоговейном молчании сами собой погибли смех и шутки.

Не было ни одного, кто бы не оглянулся назад – посмотреть да горы Кавказа, за которыми лежала милая сердцу Россия, вся в пушистых вербных сережках, вся в мутных весенних ручьях. Кто крестился, скупно поджимая опаленные жаром губы, кто слал поклоны на север, прижимая к груди натруженные крестьянские руки, и видел Карабанов, как покачнулся в седле Ожогин и припал к холке коня...

– Дениска, ты снова пьян, подлец? – И поручик огрел его нагайкой по спине.

Казак поднял на офицера глаза, наполненные слезами.

– Ни вот капли, ваше благородие. Ежели што, так урядника спросите. И фляги не отворачивал...

– Так что же с тобой?

– А муторно мне, ваше благородие. Впервой родину спокидаю. Ровно змея мне титьку сосет... Дозвольте хоть жигитнуть от скуки? – спросил Дениска.

– Бешеный ты, как я погляжу, – заметил пожилой солдат, носивший громкое имя – Потемкин. – Ты лучше землицы возьми, дурной: она боль-то оттянет...

Дениска отмахнулся:

– А куда мне ее, черствую-то? У меня вон своя есть, ишо станишная. – Казак достал из-за пазухи кисет из цветастого ситца. – Матка пошила, ваше благородие, – поделился он с чувством. – Небось не одну-то слезу сюды-тко капнула...

Карабанов вдруг стало не по себе. Черт возьми, никогда не был сентиментальным, а сейчас ощутил, что не выдержит и выкинет какую-нибудь глупость в духе прапорщика Ключенау. Он злобно выругался и, стеганув своего Лорда вперекидку слева направо, погнал его вперед...

Вскоре вся колонна осталась за его спиной, и он, уже совсем один, пустил коня шагом. Вокруг было пусто, скалы нависали над головой, жухлые травы никли под солнцем. Старый ворон, оставив клевать падаль, не спеша взлетел из-под копыт коня, едва не задев лба поручика.

Карабанов остановил коня совсем, и вскоре его нагнал Ключенау.

– Я вам не помешаю? – спросил он и, сняв очки, стал задумчиво протирать стекла.

– Нет. Мне все равно.

Они поехали рядом.

– Честно говоря, – сказал Ключенау, – я испугался за вас...

– Испугались – чего?

– Ну... Сами понимаете, усаkali далеко вперед. Один. Что бы вы могли сделать со своим револьвером?

Карабанов благодарно положил руку на пухлое колено прапорщика.

– Спасибо вам, Ключенау, – просто сказал он. – Вы мне кажетесь хорошим человеком, только – не сердитесь – мне с вами иногда бывает скучно...

Ключенау, пожав плечами, ничего не ответил. Долго ехали молча. Потом прапорщик сказал:

– Искренность всегда немножко скучна, ибо против нее нельзя хитрить, а это-то как раз, наверное, и скучно. Я не знаю почему, но вы, Андрей Елисеевич, располагаете меня к искренности.

– Исповедоваться передо мною тоже не советую, – криво усмехнулся Карабанов, – я отпускаю все грехи огулом. Сам грешен...

– А скажите мне, если не секрет, – спросил Ключенау, – зачем вы сейчас вырвались вперед?

– Просто решил поразмять своего Лорда.

– Вы говорите неправду, поручик. Почему в проявлении своих чувств неграмотный Дениска Ожогин, который напивается и дерется каждую субботу, должен быть честнее вас? А ведь вы и усаkali вперед, чтобы скрыть ото всех то же самое, что мучает и Дениску. Только Дениска не стыдится этого...

– Видите ли, Ключенау, – не сразу, даже в некотором замешательстве отозвался Карабанов, – не знаю, как вы, но я, очевидно, испорчен тем воспитанием, которое принято называть светским...

– Вот-вот, – радостно подхватил Ключенау.

– Да обождите вы со своим «вот-вот», – неожиданно обозлился Андрей. – Я, может быть, – горячо продолжал он, – и хотел бы, как этот Дениска, напиться в субботу, в воскресенье проспаться, а прощаясь с родиной, заплакать при всех, томимый предчувствиями. Но я даже не нагнулся, чтобы взять горсть родной земли, хотя мне и хотелось сделать это...

– Турки! – вдруг выкрикнул Ключенау.

Человек десять турецких всадников крутились на лошадях посреди дороги. Над головами печально зыкнули первые пули. Развернув лошадей, офицеры стремительно помчались обратно.

3

Канонир 2-го орудия 4-го артвзвода 19-го полка Кавказской армии рядовой Кирюха Постный сидел на лафете и жевал горбушку (любил он, стервец, горбушки), когда кто-то столкнул его с удобного места прямо в пыль. И на лафет, по праву принадлежавший Кирюхе, взгромоздился старый и косматый, как леший, дед в белой солдатской рубаше с двумя «Георгиями» на груди, босой и без фуражки.

– Ты ишо не граф, чтобы в карете ездить! – заявил он Кирюхе. – Нет, скажем, того, чтобы самому сказать: «Кавалер Василий Степанович Хренов, извольте прокатиться...» У-у, серость! Вот уж деревня! – И он пугнул канонира штыком винтовки.

Подхватив из пыли краюху хлеба, Кирюха догнал свое орудие.

– Ты что пихаешься, дед? – обиделся он. – Я тебе не простой солдат: я канонир – меня для боя беречь надобно. Постный я...

– Оно и видать, – огрызнулся дед, устраиваясь поудобнее, – что постный ты, а не масляный. Одинаке хлебца-то отломи старику.

Кирюха разломил горбушку пополам и вприпрыжку семенил рядом с лафетом:

– Эй, дед, слезай. Нешто по уставу здесь твое место?

– Брысь, безусый! – сказал дед, разевая на краюшку хлеба нежно-розовый, как у котенка, редкозубый рот. – У тебя ноги молодые, – утешил он канонира, – ты далеко убежишь... До Стамбулу самого!..

Вскоре, чтобы переждать полуденный зной, Хвошинский разрешил привал. Денщики сгружали с верблюжьих горбов тюки с офицерским добром и кошмами. Из обоза приволокли за рога упрямого барана, торопливо секанули его по горлу.

– Стой! – сказал Исмаил-хан и повелел денщику срезать камышовую трубку.

Продев эту дудку в надрез на животе барана, подполковник стал сильно дуть в нее. Баран от воздуха быстро толстел на глазах и наконец обратился в туго надутый бурдюк. Тогда Исмаил-хан хлопнул его кулаком по брюху – и шкура легко отделилась от туши.

– Чок-якши, очень хорошо, – сказал хан и, чулком содрав с барана шкуру, стал вырезать кинжалом «суки» из ляжек барана; жирные сочные «суки» денщики-татары тут же ловко низали на шампурные веретена, и вскоре офицеры ели добротный шашлык, запивая его бледным кахетинским из артельного тулука.

– Очень вкусно, – похвалил Некрасов, вытирая руки о траву, – просто очаровательно! Никак не ожидал, что вы удивительный повар, хан!

– Хан... – недовольно пробурчал подполковник. – Я был ханом, когда мой дед варил плов для гостей в таком котле, что в нем могли бы утонуть три ваших пьяных монаха. Мой отец умел жарить на вертеле целого быка, а в быке – теленок. А в теленке – баран. А в баране – барашек. А в барашке – гусь. А в гусе – куропатка. А в куропатке – яйцо...

Перечисляя все это, подполковник поднимался с корточек все выше и выше, и, поднявшись во весь свой гигантский рост, задрав руку, он закончил:

– Вот тогда я чувствовал себя ханом!..

Некрасов пожал плечами. Закурив из портсигара последнюю румынскую пахитосу, завернутую в лист кукурузы, которую он хранил как память о Валахии, штабс-капитан направился к солдатским бивакам. Возле одного котла, вместо того чтобы отдыхать, солдаты плотно обступили костер и подламывались от дружного хохота. Юрий Тимофеевич подошел ближе, ему уступили место. Увидев старого гренадера Хренова, офицер невольно удивился, что вместе с ними идет на Баязет этот заматерелый беззубый вояка.

– Ты кто такой, дед? – спросил Некрасов.

– Я есть кавалер георгиевский. И ежели што, так вот оно где! – И Хренов расправил свои кресты.

– За что же ты вот этот получил?

– За рубку леса, ваше благородие. Мы о ту пору, когда чечню замиряли, все больше лес рубили. Лихое дело!..

– А этот? – снова спросил Некрасов, показав на маленький согнутый крестик.

– За взятие Ахвы.

– Такого аула нет, – поправил его Некрасов. – Есть Ахты.

– Так точно: Ах ты, – бодро откликнулся дед. – Только не посмел я ваше благородие – на «ты» звать.

Некрасов хмыкнул в усы:

– Ну, ладно. А винтовку-то где взял?

– Его высокоблагородие господин Хвоцинский велели дать. Они меня помнят: вместилах на Каре ходили, под Гунибом с мюридами резались... А службу, – похвалился в заключение старый, – я еще при Лексей Петровиче Ермолове, царствие ему небесное, начал. При нем-то везло мне, а при Паскевиче меня эвон сюды пулей вжикнуло, при Воронцове сюды меня секанули. Весь я, как есть тут, русский солдат, и перечить мне никакая турка не моги. Как что – так в рожу!

– При многих же ты начальниках служил, дед.

– Ой при многих, ваше благородие, – вздохнул Хренов, слегка затуманившись. – Отцы были командиры!

– А где же твои зубы, старина?

– Да командиры и повыбивали. Кому же еще!..

Подошел юнкер Евдокимов, посмеялся со всеми вместе и посоветовал от наивной души:

– Шли бы вы, отец мой, в деревню к себе да на печку к старухе, коли отслужили свое... Сейчас в России-то хорошо: снега тают, петухи кричат, бабы блины пекут...

– А я, ваше благородие, – обиделся Хренов, – отродясь на печке не леживал и деревни у меня никакой нету... Сызмальства при войсках состою. И дороги домой тоже не помню. Сказывают, будто я курской какой. По выговору, значит. А шут его знает, этот выговор. Рази же по одному выговору свой дом отыщешь?

– Как же ты жил-то, Василий Степанович? – полюбопытствовал Дениска Ожогин.

– А как жил? – Хорошо... Россию навестил, только отвык – тихо уж больно. А здесь в любом углу дерутся. Я и повернул обратно. В горы. Ходил больше. Меня помнят. Да и кресты. Где по гарнизонам, где и по вольным. Попрошу чего – дадут. Иной раз и побьют. На свадьбу попал. Подвыпил да и вспоминать стал, как Шамиля замиряли... Я, говорю, сейчас всех вас. И, значит, показываю: коротким – коли! А там Шамилева родня сидела. Меня – в шоры. Ну, да я не в лесу найденный. Схватил что потяжелее. А гостей много. С тыщу! И давай, и давай. Как снопы лежат...

– Ой и врать же ты, дед! – засмеялся Дениска.

Хренов не обиделся:

– Дык кому же запрещено? Хошь ты ври, хошь я буду. Котел-то общий. А там выхватывай что послаще!..

Солдаты, которые помоложе, решили подзадорить старика:

– Ну ладно, дедусь, а жена-то у тебя была?

– Чегой-то?

– Баба, значит.

Старый вояка махнул рукой:

– А хрен ли толку-то с нее, с бабы-то? Маета одна. Ину возьмешь, помусолишь ее, надоест да плюнешь!

– Это все пустяки. А вот расскажите, отец, что-нибудь интересное. Ну, самое интересное в вашей жизни.

Старик поскреб седые, сбитые в паклю вихры.

– А вот такого и не припомню, – сказал. – Про интересное-то, ваше благородие, в книжках читать надо!..

Барабаны снова забили поход.

4

Из одного армянского аула, где их радостно встретили хососы – турецкие армяне и монахи соседнего монастыря, Хвощинский отправил Некрасова на разгром неприятельских магазинов.

– Там же, – поручил он, – в окрестностях живут несколько греков, которые служат в армии султана искусными хлебопеками. Разгоните их, пожалуйста, а тандыры пекарен разрушьте. Не вздумайте стрелять, когда увидите вооруженного человека. Он может оказаться мирным туземцем, едущим в гости. Остерегайтесь курдов. Вы отличите их по тюбанам, сумеете узнать по мужественным взглядам и твердой походке, полной достоинства...

Задание было не столь сложным – отряд Некрасова умчался по выючной тропе налегке, с гиканьем и присвистом. Они успели сжечь около десяти тысяч четвертей проса, ячменя и кукурузы, уничтожили склад английских галет и одеял, но на обратном пути нарвались на крупный разъезд султанского низама, одетый с иголочки во все новенькое и поддержанный гаубицей французского производства.

Заметив неточность стрельбы противника, штабс-капитан навязал низаму перестрелку, и схватка затянулась: прорваться обратно к отряду становилось трудным делом.

– Кончаются патроны! – закричали хоперцы.

– Но остались штыки, – ответил Некрасов, и в рукопашной сшибке солдаты вырвались из засады...

Соединившись с отрядом, штабс-капитан с особенным уважением отозвался о турецких артиллеристах, которые были изрублены на стволе орудия, но фанатично держались до последнего. Однако рукопашная, на которую решился Некрасов, вызвала удивление у многих офицеров.

– Как прикажете понимать вас? – спросил Штоквиц. – Не вы ли тут частенько ломились в открытые двери, чтобы доказать нам устарелость штыкового удара?

– А я, – ответит Юрий Тимофеевич, – никогда и не собирался консервировать штыки по музеям! Но рукопашная – это крайность, на которую ходят ва-банк.

В схватке с низамом Некрасов потерял два пальца левой руки, отрубленных кинжалом до сустава первой фаланги. Исмаил-хан, узнав об этом, обрадовался:

– Так ему и надо! Видать, много грешил этими пальцами – вот их у него и оторвало!

– Передайте его сиятельству, – отпарировал Некрасов, – что в таком случае ему оторвет сразу голову!..

Баязет был уже недалек. Эшелон втянулся на широкую равнину. Кое-где пестрела зелень болот, высокие камыши волновались под ветром, на пологих угорьях блестели серебристые солончаки. За час до заката все это стало утопать в синем бархатном полумраке; только на юге еще чернели зубцы далеких скал, в расщелинах которых укрывался таинственный Баязет.

Усталым лошадям подвесили торбы. Впереди лежал еще крутой спуск в долину, и первая пушка, обрушивая из-под колес камни и песчаные осыпи, медленно поползла с горы. В упряжках лафетов падали от усилий кони; в темноте, словно тяжелые утюги, летала сырая казацкая матерщина; люди хватались за спицы колес, впрягали себя в лямки, спасая орудия от бешеного разгона под уклон обрыва.

– Осторожней, ребята, – покрикивал майор Потресов, – не сверни прицелы, за спицы держи...

Наконец спуск закончили, и войска расположились к ночлегу. Каша начинала бурлить в котлах, а солдаты, попадая на землю и обняв винтовку, уже спали как мертвецы, без сновидений и бреда. В своей упряжи чутко дремали кони, только бродили во тьме сторожевые пикеты да в сторону Баязета смотрели заряженные гранатами ракетные станки...

Карабанов тоже спал, намотав на руку поводья своего Лорда, когда его разбудил Тяпаев: поручика звал к себе полковник. Хвоцинский сидел возле костра, прихлебывая чай, а рядом с ним, в рваном своем бешмете, лежал Хаджи-Джамал-бек; полковник кивнул лазутчику, и черкес, надвинув папаху, уполз куда-то в темноту, чтобы не мешать разговору офицеров.

– Извините, что разбудил, поручик, – сказал Хвоцинский. – Сейчас вы поднимете свою сотню...

– Как я ее подниму, господин полковник, если люди и лошади валяются с ног? – огрызнулся Андрей.

Хвоцинский постучал карандашиком по разложенной на коленях карте; хромая нога его была уродливо отставлена в сторону.

– Видите ли, господин поручик, – спокойно ответил он, – ваша давняя дружба с моей супругой еще не дает вам права дерзить мне. Если же вы не склонны уважать меня как человека, то можете обратить внимание на мои погоны: я их надел, когда вы еще набирались терпения появиться на свет!

– Простите, господин полковник.

– Итак, будьте любезны поднять свою сотню. А теперь смотрите сюда, – полковник раскатал перед ним карту. – Вот дорога на Каракилис, здесь начало истоков Евфрата. Хаджи-Джамал-бек сказал мне, что через суннитский аул Ак Сют-су можно вломиться сразу на Баязет. Ваша сотня и попробует это сделать... Далее! – продолжал Хвоцинский. – Ежели попадетесь в засаду, можете отступить вдоль Евфрата на Зейдекан. Там вас выручит генерал Тер-Гукасов, который сейчас идет на Алашкарт...

Встать от этого жаркого костра, сразу вот так взобраться в седло и, будучи в первом ряду, повести сотню в ночь, по чужим неведомым тропам, – нет, это было слишком неожиданно: Карабанов ощутил какой-то холодок возле сердца, и ему стало страшно отрывать себя и свою сотню от всего эшелона.

– Очевидно, – сдипломатничал он, уставясь в огонь, – турки, господин полковник, уже готовы к сдаче Баязета, а тогда зачем же мне...

– Нет! Совсем не готовы.

– Простите, но почему?

– Хотя бы потому, – пояснил Хвоцинский, – что гарем паши остался еще в Баязете. Так что будьте мудры и осторожны. Если же на ваших глазах гаремы станут вывозить из города, не препятствуйте. Боже вас сохрани! Иначе погибнете...

– Первая сотня остается здесь? – спросил Карабанов, завидуя Ватнину.

– Да. Я послал бы Ватнина, но... Согласитесь, что, при всех его достоинствах как офицера, он неспособен быть дипломатичным. А вы же ведь человек придворный, светский, – закончил полковник с улыбкой.

– Хорошо. – Карабанов встал. – Я пойду!

– Постойте... Не вздумайте по горячности вступать в Баязет с двух сторон, – строго наказал Никита Семенович. – Покорить азиата можно только в том случае, если оставите ему лазейку для отступления. Иначе он напаялит папаху на глаза, кинжал – в одну руку, шашку – в другую, и тогда вам, Карабанов, придется скверно...

В гряде казачьих тел, polegших словно после побоища, Андрей с трудом отыскивал своего урядника. Трехжонный после сна долго соображал, отплеываясь в темноту, потом сунул в рот два пальца и свистнул соловьем-разбойником – сбатованные кони шарахнулись от костров.

Казачи поразили поручика своей готовностью: каждый провел ладошкой по лицу, точно умылся, смотал кошму, на ощупь увязал свое добро в саквы, и, похватав ружья, через две минуты сотня уже была в седле.

Отовсюду поднимались с земли взлохмаченные головы солдат и милиционеров.

– Ну, чего взбулгатились? Дрыхните дальше, – сказал Трехжонный кому-то. – Ты не из нашей сотни. Это вторую до края света загнать решили...

– Казачи, справа... по двое... рысью!

Позевывая, в шинели наопашь, подошел Потресов:

– Голубчик, – вы так орете. Куда это вы?

– Все там будем, Николай Сергеевич... Я знаю только одно: моя сотня идет на Баязет, но как нас встретят – цветами или пулями, я тоже не знаю. Прощайте, майор!..

.....

Ночная дорога была прохладной, и лошади, несмотря на усталость, шли бойко. Поначалу всадники тяжело, до хруста в челюстях, зевали, потом ничего, встряхнулись. Кобылятники (казачи, ездившие на кобылах) больше придерживались обочин: время было весеннее, жеребцы по первой траве бесились, кобылы тоже рядом с ними шли под седлом беспокойно.

Возле одного костра сидели солдаты другой части отряда, из-под ладоней всматривались в темноту, вспугнутую фырканием коней, лязгом стремян и оружия.

– Эй, – крикнул Карабанов, – на Каракилис так ехать или дорога сама свернет?

– Мы не здешние! – донеслось от костра.

Ехали дальше. Выходила луна.

Лорд бежал ровно и гладко. Мягкий чувяк хорошо прощупывал стремя. У казаков, которые побогаче, матово отсвечивали в темноте серебряные газыри.

В одном месте Андрей едва не сшиб с ног какого-то человека, схватившего под уздцы его лошадь. Это был молоденький юнкер из артиллеристов, наивный и восторженный; его солдаты перетаскивали куда-то зарядные ящики.

– Что тебе, брат, надобно? – спросил Андрей.

– Кстати, – ответил юнкер, – ты назвал меня братом. Так будем же с этой ночи братьями... Вы сейчас, случайно, идете не на Алашкерт? Тогда пойдем вместе!

– С удовольствием бы, коллега, – ответил поручик. – Но у меня бестранзитный билет от самого Петербурга до Баязета.

– Я вам завидую, – сказал юнкер. – Говорят, сказочный город восточной неги и прекрасных тоскующих одалисков...

– Извините. Романтика не по моей части, – ответил Карабанов и, грудью коня отодвинув юнкера с дороги, погнал свою сотню дальше – во мрак...

Висячий мост через ущелье держался на канатах, но канаты, как и следовало ожидать, были уже подрезаны турками. Укрепив мост веревками походных арканов, казачи по одному перескочили пропасть и, выбравшись из ущелья на дорогу, спешились. Подтягивали стремяна, отторочивали от седел оружие. У кого душа была поласковее да добрее, тот скармливал своей лошади сухари и куски сахара.

Карабанов развернул карту, велел уряднику посветить. Но едва Трехжонный чиркнул спичкой, как вжикнула пуля и косо рванула карту, зарывшись в песок.

– Видать, курды, – сказал урядник. – Турок, тот не умеет целиться. Он совсем шальной, этот турок: всегда сдуру бьет, куда ни попаля...

Снова началась бешеная скачка. Теперь уже по дороге. Дважды останавливались и размetyвали горящие стога сена, подожженного прямо на их пути, дважды растаскивали казаки, сжимаясь от предчувствия вражеской близости, завалы пылающих деревьев.

– Рысью, рысью! – покрикивал Карабанов.

Из-за косого гребня выкатилась кривая мусульманская луна, пристала к всадникам и теперь неслась над ними вместе с ворохом ярких турецких звезд. Острая горячая щебенка взлетала из-под лошадиных копыт и серебрилась при этом, как искры. Дико заржал один жеребец и тут же получил от седока плетью по шее:

– Эк тебя! Нашел время для голоса...

Урядник принялся к ветру:

– Ваше благородие, кажись, и аул в самой скорости: кизяком запахло вроде. Эдак сладко-то! Наверное, буйволятни топят...

И вдруг навстречу казакам ринулась из темноты большая толпа пеших людей с задранными к небу руками:

– Ля-иль алла-иль алла... Магомет расуль-алла...

Впереди бежал худой старец с белой чалмой на голове; длинная борода его развевалась на ветру, и он прихватил ее под мышку. Сотня была на полном разбеге, и Карабанов едва успел задержать ее, чтобы не помять турок. Бородатый старец уже схватил ногу поручика, покрывая частыми поцелуями пыльный чуйак.

– Урус, спасай, – настоящими слезами плакал старец, прижимая к впалой груди руки. – Осман пришел, нехороший осман: секим-башка делать хочет. Когда верблюд дерется с лошастью, погибает ишачка. Мы бедный ишачка! Ваша казачка добрый... Мы к тебе, сердар, беги... Ля иллаха илля аллаху! – затрясся старик, а турки уже вертелись кругом под лошадиными брюхами...

Карабанову стало жаль бедных крестьян. Тем более они так искренне плакали и клялись, что отныне признают на небесах одного лишь аллаха, а на земле только его, поручика Карабанова. И потому, руководимый жалостью, он закричал на урядника:

– Ты что делаешь?

Но урядник уже схватил старца за бороду и, свесясь с седла, отрезал эту бороду кинжалом под самый корень, швырнув ее обратно в лицо турка.

– Ах ты, сколопендра! – заорал он, давя его лошастью. – Тебя «добрый казачка» спасай, а ты нас под засаду ведешь?.. Так где же старуха твоя? Иде сопляки ваши? Борода-то длинная, а врать, старик, не умеешь...

Карабанов все понял:

– Дениска, бери в нагайки!..

И взяли: погнали перед собой, стегая по согнутым спинам; улюлюкая и гикая, ворвались в аул, и турецкий отряд повернул в горы, саданув лишь для острастки пачку выстрелов...

– По буйволу возьмем! – сказал Трехжонный, крутясь на своем жеребце по площади. – Так и знайте: за вашу подлость – по буйволу. С каждого дыма!..

– Во, ханье поганое! – высморкался в кулак Дениска, вытирая ладонь о лохматую гриву своего Беса. – Под западню хотели подвести нашего брата? И никакой хультуры...

В гневе он подскочил к сакле старейшины аула, хватил шашкой по мертвым окнам; дзинь, – полетели стекла, и еще раз – дзинь! Болталось тряпье на веревке, и веревку срезал Дениска; потом ведро пустое подцепил на шашку, вскинул кверху – звяк, и разрубил его на лету...

– Ожогин! – крикнул Карабанов, тяжело дыша от волнения. – Перестань. Вот ты у меня сейчас нагайки тоже схлопочешь... не хуже турка!

– А што, ваше благородье, – обиделся казак. – Уже и пошалить нельзя... Попадись мы им, так наших-то голов сколько бы покатилося?..

На рассвете (чужой рассвет, он призрачный и жуткий) всадники поднялись на высокую гору. Перед ними, рассеченный надвое узкой рекою, разбросанный среди скал и садов, открылся затаенный турецкий город. Дома лепились по уступам, так что крыша одного была двором дома соседнего, и уже паслись на крышах козы, но вокруг стояла тишина, и цветные мечети величаво вперяли столбы минаретов в чистое утреннее небо.

– Вон и крепость сама, ваше благородие, – подсказал урядник. – Видите, по-над городом стоит... Балкончики-то ишо висят над речкой...

Карабанов опустил бинокль:

– Что же будем делать?

– Городишко брать сейчас надобно, – посоветовал Трехжонный. – Пока народец ихний не проснулся. А коли потом въедешь, так людишки выпрут на улицы, где и двум собакам без драки не разойтись, – тогда сотне, ваше благородие, идти в строю тесно будет.

Карабанов нервно крутился в седле:

– Спроси казаков, урядник, что они думают?

Трехжонный повернулся в седле, засмеялся:

– Станишные, его благородие знать хочет: не жалко ли вам невестушек да лапушек своих ненаглядных?

– Куды там, – резво подмахал Дениска, как всегда кстати. – Ежели трусить, так невеста в девках помрет.

– А ежели и убьют меня, – закончил старый Егорыч, – так слава те, господи, хоть со своей язвой развяжусь...

В полной тишине, выровняв пики и гордо подбоченясь, въехала сотня в пустынный город. Ветви деревьев хлестали по лицам. Звенели струи родниковой воды, падавшие с гор в каменные корыта. Бродячие собаки, спавшие в пыли посреди дороги, лениво вставали, уступая коннице.

Но всем своим существом, всей спиною, грудью и затылком Карабанов чувствовал, как из каждой щели за ними следят чьи-то недобрые глаза. И эти невидимые взгляды казались ему страшнее винтовочных выстрелов.

А тишина давила, было в ней что-то нехорошее и мучительное, и, чтобы разрушить ее одним разом, поручик сказал:

– Братцы, давайте песню!

– Какую? Мы можем.

– Самую громкую, – ответил Карабанов.

5

Восточный город не представляет прелести, ибо города Востока (в том числе и Константинополь) кажутся прекрасными, пока вы не оказались в их пределах...

П. А. Чихачев. Письма о Турции

Баязет вроде уже смирился со своей участью. И когда Штоквиц въехал в город, по улицам расхаживали чалмоносцы, в духанах шумели жаровни, из кофейных лавок тянуло вонью и привычным дымом, брадобреи в цирюльнях мылили правоверным головы. Правда, из женщин показывались только армянки, жены же турок глядели на казаков лишь из дверных щелей, дивясь неслыханной смелости армянок.

Въехав на площадь майдана, Штоквиц прокричал наугад:

– Ключ! Мне нужен ключ от ворот Баязета...

Несколько минут ожидания – и ему принесли ключ. Посмеиваясь, он сунул его за голенище сапога. Баязет, таким образом, пал перед русскими знаменами без пролития капли крови...

Ворота дворца-цитадели с тяжким скрежетом распахнулись, и над башнями древнего замка взвилось русское знамя. Громыкнули с бастийных орудия, салютуя флагу, и тут все заметили, насколько чудовищен и страшен был этот гром. Котловина Баязета, словно кратер вулкана, подбросила гул залпов к небу, и он, растекаясь по окрестным ущельям, вдруг возвратился назад, повторенный трижды далеким эхом.

– Черт возьми, – вздрогнул Потресов, – какая удивительная акустика в этой дыре. Словно в хорошем театре!

– Да, – согласился Ключену, – только актерам трудно играть на такой сцене: мозг уже плавится от жары, а до развязки действия еще далеко.

– Ничего, господа, – скупой поддержал разговор Некрасов. – Актеры в белых рубахах свою роль знают. Лишь бы не подкачали наши тифлиские режиссеры...

Ватнин достал широкий платок, вытер обильный пот, бегущий со лба, сказал:

– Сейчас бы огурца соленого! Да квасу...

Турки поднесли полковнику Хвощинскому в дар от мусульман Баязета гуся – тощего, уже общипанного, в синих противных пупырышках. Но поднесли они его с величавыми жестами, на богатом подносе, и полковник его принял.

– Что это значит? – удивился Некрасов. – Такого гуся и собака жрать не станет.

– Не спорьте, капитан: здешние собаки неразборчивы. Но этим подношением турки хотят сказать, что они так же жалки и тощи от бедности, как этот поганый гусь. Однако мне уже известно через лазутчиков, что они заведомо до нашего прихода попрятали все свои богатства у христиан-грегорианцев и католиков в армянском квартале.

Проезжая мимо мечети, Хвощинский обратил внимание на множество висячих замков, начиная от крохотных и кончая громадными скобами, какими в России купцы замыкают на ночь лабазы. Замки покрылись густым слоем ржавчины, некоторые висели уже, наверное, столетиями, и это заинтересовало полковника.

– Аллах велик, – пояснил ему один эфенди на майдане. – Хозяин замка, если не помрет в ожидании, то когда-нибудь увидит замок свой открытым. Значит, свершилось чудо и теперь исполнятся его желания...

Никита Семенович махнул нагайкой:

– Чудо свершится сегодня: каждый может подавать мне прошение, и мы исполним его желания, разрешим все обиды!..

Бурная река, вырываясь из мрачного ущелья, огибала шумную площадь обширного майдана. Вода в реке была мутна, стремительна и певуча; доктор Сивицкий сразу же велел очищать ее квасцами и сдабривать лимонной кислотой во избежание заразы. Сразу выяснилось, что в реке много рыбы, которую казаки уже начали ловить, как выразился Штоквиц, «своими портками»!

Ключену познаниями из области истории и фортификации разрушал легкое романтическое настроение других офицеров.

– Вы смеетесь, господа, называя меня поэтом, – говорил он, – но вы сами поэты, если ожидаете увидеть перед собой сказочный замок. Исхак-паша, создавший Баязет, держал из-за его стен когда-то в своих руках весь Курдистан. Но его внук, Баллул-паша, больше уделял внимания гарему, и султан Абдул-Меджид выгнал его из Баязета в Хассан-Кале. Сейчас мы увидим Баязет на том же уровне инженерного искусства, как во времена Суворова и Румянцева. Крепости Карса и Эрзерума имели постоянный технический надзор за ними французов и англичан. Баязет – уже не крепость...

Сложенная из ровных глыб красного и белого камня, цитадель Баязета манила каждого своими распахнутыми воротами. И вот, под мерный рокот барабанов, проплыли под сводами расчехленные знамена пехоты: штандарты конницы и казачьи значки. Потом, в окружении строгих часовых, покатила в крепость повозка с денежным ящиком, в котором, перевязанные крест-накрест, намертво засургученные, лежали кожаные мешки с русским золотом (война с Турцией требует золота для подкупов не менее свинца для пуль)...

– А это что? А это как? – спрашивали любопытные турки, стоя по обочинам дороги.

– *Казна!* – гаркнул на них рослый фельдфебель из писарей, и турки, теряя свои туфли и фески, давя друг друга, кинулись бежать подальше: им не сразу удалось объяснить, что казна – это одно, а казнь – это другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.